

DIGITAL LAW JOURNAL

Vol. 3, No. 1, 2022

EDITORIAL

- 8 Digital Law in the Russian Court Practice: Key Results of 2021
Maxim Inozemtsev

ARTICLES

- 20 The Model of the State Digital Platform on Labor Contracts in China
Liu Dun, Yuan Geng
- 32 Legal Triggers for Digitalization of Radioactive Waste and Spent Fuel Management within the European Union
Lev Entin, Yulia Lebedeva
- 44 Legal Regime of NFT (Non-Fungible Token) in Russia: How to Work in the Absence of Special Legislative Regulation?
Yuriy Brisov, Aleksey Pobedkin

BOOK REVIEW

- 67 Innovations Under a Magnifying Glass of an Economist: What's New?
Shahin Huseinov

DIGITAL LAW JOURNAL

Journal of research and practice

Published since 2020
4 issues per year

Vol. 3, No. 1, 2022

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Научно-практический журнал

Журнал издается с 2020 г.
4 выпуска в год

Том 3, № 1, 2022

Contents

Editorial

- 8** Digital Law in the Russian Court Practice: Key Results of 2021
Maxim Inozemtsev

Articles

- 20** The Model of the State Digital Platform on Labor Contracts in China
Liu Dun, Yuan Geng
- 32** Legal Triggers for Digitalization of Radioactive Waste and Spent Fuel Management within the European Union
Lev Entin, Yulia Lebedeva
- 44** Legal Regime of NFT (Non-Fungible Token) in Russia: How to Work in the Absence of Special Legislative Regulation?
Yuriy Brisov, Aleksey Pobedkin

Book Review

- 67** Innovations Under a Magnifying Glass of an Economist: What's New?
Shahin Huseinov

Содержание

От редакции

- 8** Цифровое право в практике российских судов: основные итоги 2021 года
Максим Иноземцев

Статьи

- 20** Модель государственной цифровой платформы трудовых договоров в Китае
Лю Дунь, Гэн Юань
- 32** Правовые триггеры цифровизации обращения РАО и ОЯТ на территории Европейского союза
Лев Энтин, Юлия Лебедева
- 44** Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования?
Юрий Брисов, Алексей Победкин

Рецензия на книгу

- 67** Инновация в фокусе экономического исследования: новый взгляд
Шахин Гусейнов

DIGITAL LAW JOURNAL

AIMS AND SCOPE

The purpose of the Digital Law Journal is to provide a theoretical understanding of the laws that arise in Law and Economics in the digital environment, as well as to create a platform for finding the most suitable version of their legal regulation. This aim is especially vital for the Russian legal community, following the development of the digital economy in our country. The rest of the world has faced the same challenge, more or less successfully; an extensive practice of digital economy regulation has been developed, which provides good material for conducting comparative research on this issue. Theoretically, “Digital Law” is based on “Internet Law”, formed in English-language scientific literature, which a number of researchers consider as a separate branch of Law.

The journal establishes the following objectives:

- Publication of research in the field of digital law and digital economy in order to intensify international scientific interaction and cooperation within the scientific community of experts.
- Meeting the information needs of professional specialists, government officials, representatives of public associations, and other citizens and organizations; this concerns assessment (scientific and legal) of modern approaches to the legal regulation of the digital economy.
- Dissemination of the achievements of current legal and economic science, and the improvement of professional relationships and scientific cooperative interaction between researchers and research groups in both Russia and foreign countries.

The journal publishes articles in the following fields of developments and challenges facing legal regulation of the digital economy:

1. Legal provision of information security and the formation of a unified digital environment of trust (identification of subjects in the digital space, legally significant information exchange, etc.).
2. Regulatory support for electronic civil turnover; comprehensive legal research of data in the context of digital technology development, including personal data, public data, and “Big Data”.
3. Legal support for data collection, storage, and processing.
4. Regulatory support for the introduction and use of innovative technologies in the financial market (cryptocurrencies, blockchain, etc.).
5. Regulatory incentives for the improvement of the digital economy; legal regulation of contractual relations arising in connection with the development of digital technologies; network contracts (smart contracts); legal regulation of E-Commerce.
6. The formation of legal conditions in the field of legal proceedings and notaries according to the development of the digital economy.
7. Legal provision of digital interaction between the private sector and the state; a definition of the “digital objects” of taxation and legal regime development for the taxation of business activities in the field of digital technologies; a digital budget; a comprehensive study of the legal conditions for using the results of intellectual activity in the digital economy; and digital economy and antitrust regulation.
8. Legal regulation of the digital economy in the context of integration processes.
9. Comprehensive research of legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems.
10. Changing approaches to training and retraining of legal personnel in the context of digital technology development; new requirements for the skills of lawyers.

The subject of the journal corresponds to the group of specialties Legal Sciences 12.00.00 and Economic Sciences 08.00.00 according to the HAC nomenclature.

The journal publishes articles in Russian and English.

FOUNDER, PUBLISHER:

Maxim I. Inozemtsev
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITOR-IN-CHIEF:

Maxim Inozemtsev, Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, Head of Dissertation Council Department of MGIMO-University, inozemtsev@digitallawjournal.org
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITORIAL BOARD

Alice Guerra – Ph.D. in Law and Economics, Associate Professor, Department of Economics, University of Bologna, Bologna, Italy

Max Gutbrod – Dr. jur., Independent Scientist, Former Partner and Managing Partner of Baker McKenzie, Moscow, Russia

Steffen Hindelang – Ph.D. in Law, Department of Law, University of Southern Denmark (University of Siddan), Odense, Denmark

Junzo Iida – Ph.D., Department of Law, Soka University, Tokyo, Japan

Julia Kovalchuk – Dr. Sci. in Economics, Professor of the Department of Energy Service and Energy Supply Management, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

Natalia Kozlova – Dr. Sci. in Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia

Danijela Lalić – Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor, Faculty of Industrial Engineering and Management, Novi Sad University, Novi Sad, Serbia

Clara Neppel – Ph.D. in Computer Science, Master in Intellectual Property Law and Management, Senior Director

of the IEEE European Business Operations, Vienna, Austria

Lyudmila Novoselova – Dr. Sci. in Law, Professor, Head of the Department of Intellectual Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Vladimir Osipov – Dr. Sci. in Economics, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Professor of the Asset Management Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Francesco Parisi – Ph.D. in Law, Professor, Department of Law, University of Minnesota, Minneapolis, the USA

Vladimir Plotnikov – Dr. Sci. in Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Bo Qin – Ph.D., Professor, Head of the Department of urban planning and management, Renmin University of China, Beijing, China

Elina Sidorenko – Dr. Sci. in Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Director of the Center for Digital Economics and Financial Innovations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Founded:	The journal has been published since 2020
Frequency:	4 issues per year
DOI Prefix:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Mass Media Registration Certificate:	ЭЛ № ФС 77-76948 of 9 Oct. 2019 (Roskomnadzor)
Distribution:	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License
Editorial Office:	76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org , dj@digitallawjournal.org
Published online:	31 Mar. 2022
Copyright:	© Digital Law Journal, 2021
Price:	Free

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Цель электронного журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) — создание дискуссионной площадки для осмысления в научно-практической плоскости легализации цифровых технологий, особенностей и перспектив их внедрения в нормативно-правовое поле. Особенно остро эта задача стоит перед российским сообществом правоведов в связи с развитием цифровой экономики в нашей стране. С этой же задачей сталкивается и остальной мир, решая её более или менее успешно. В мире сформировалась обширная практика нормативного регулирования цифровой экономики, она даёт хороший материал для проведения сравнительных исследований по этой проблематике. В теоретическом плане цифровое право опирается на сформировавшееся в англоязычной научной литературе академическое направление «интернет-право», которое ряд исследователей рассматривают как отдельную отрасль права.

Задачами журнала являются:

- Публикация исследований в области цифрового права и цифровой экономики с целью интенсификации международного научного взаимодействия и сотрудничества в рамках научного сообщества экспертов.
- Удовлетворение информационных потребностей специалистов-профессионалов, должностных лиц органов государственной власти, представителей общественных объединений, иных граждан и организаций в научно-правовой оценке современных подходов к правовому регулированию цифровой экономики.
- Распространение достижений актуальной юридической и экономической мысли, развитие профессиональных связей и научного кооперативного взаимодействия между исследователями и исследовательскими группами России и зарубежных государств.

В журнале публикуются статьи по следующим направлениям развития и задачам, стоящим перед нормативным регулированием цифровой экономики.

1. Нормативное обеспечение информационной безопасности, формирование единой цифровой среды доверия (идентификация субъектов в цифровом пространстве, обмен юридически значимой информацией между ними и т. д.).
2. Нормативное обеспечение электронного гражданского оборота; комплексные правовые исследования оборота данных в условиях развития цифровых технологий, в том числе персональных данных, общедоступных данных, Big Data.
3. Нормативное обеспечение условий для сбора, хранения и обработки данных.
4. Нормативное обеспечение внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке (криптовалюта, блокчейн и др.).
5. Нормативное стимулирование развития цифровой экономики; правовое регулирование договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий. Сетевые договоры (смарт-контракты). Правовое регулирование электронной торговли.
6. Формирование правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики.
7. Обеспечение нормативного регулирования цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства; определение «цифровых объектов» налогов и разработка правового режима налогообложения предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий. Цифровой бюджет; комплексное исследование правовых условий использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики. Цифровая экономика и антимонопольное регулирование.
8. Нормативное регулирование цифровой экономики в контексте интеграционных процессов.
9. Комплексные исследования правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники.
10. Изменение подходов к подготовке и переподготовке юридических кадров в условиях развития цифровых технологий. Новые требования к навыкам и квалификации юристов.

Тематика журнала соответствует группе специальностей «Юридические науки» 12.00.00 и «Экономические науки» 08.00.00 по номенклатуре ВАК.

В журнале публикуются статьи на русском и английском языках.

УЧРЕДИТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ:

Иноземцев Максим Игоревич
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Максим Иноземцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева, начальник отдела диссертационных советов МГИМО-Университета МИД России, inozemtsev@digitallawjournal.org
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алиса Герра — Ph.D. in Law and Economics, доцент факультета экономики, Болонский университет, Болонья, Италия

Макс Гутброд — Dr. jur., независимый исследователь, бывший управляющий партнер международной юридической фирмы Baker McKenzie, Москва, Россия

Дзюндзо Иида — Ph.D., профессор факультета права, Университет Сока, Токио, Япония

Юлия Ковальчук — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры энергетического сервиса и управления энергоснабжением, Московский авиационный институт, Москва, Россия

Наталья Козлова — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Даниела Лалич — Ph.D. in Technical Sciences, доцент факультета промышленной инженерии и менеджмента, Нови-Садский университет, Нови-Сад, Сербия

Клара Неппель — Ph.D. in Computer Science, Master in Intellectual Property Law and Management, старший директор по вопросам европейских бизнес-операций Института инженеров электротехники и электроники, Вена, Австрия

Людмила Новоселова — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав,

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Владимир Осипов — доктор экономических наук, Ph.D. in Economics, профессор кафедры управления активами, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия

Франческо Паризи — Ph.D. in Law, профессор факультета права, Миннесотский университет, Миннеаполис, США

Владимир Плотников — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Элина Сидоренко — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия

Штеффен Хинделанг — Ph.D. in Law, факультет права, Университет Южной Дании (Сидданский университет), Оденсе, Дания

Бо Цинь — Ph.D., профессор, заведующий кафедрой городского планирования и управления, Университет Жэньминь, Пекин, Китай

История издания журнала:	Журнал издается с 2020 г.
Периодичность:	4 выпуска в год
Префикс DOI:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:	№ ФС 77-76948 от 09.10.2019 (Роскомнадзор)
Условия распространения материалов:	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License
Редакция:	119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org , dlj@digitallawjournal.org
Дата публикации:	31.03.2022
Копирайт:	© Цифровое право, 2021
Цена:	Свободная

EDITORIAL

DIGITAL LAW IN THE RUSSIAN COURT PRACTICE: KEY RESULTS OF 2021

Maxim I. Inozemtsev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

Abstract

The development of new technologies and the subsequent digitalization of the economy significantly affect legal relations, forcing us to rethink the usual institutions and establishing new problems that have not arisen before. The legal system can change, adapt and meet new challenges in two basic and interrelated ways: regulatory (that is, the adoption of new regulatory legal acts) and in the course of judicial resolution of legal conflicts that have developed within a particular dispute. The article provides an overview of the most significant cases considered by Russian courts in the field of digital law in 2021. A selection of court decisions was carried out in four areas of emerging judicial practice: 1) use of cryptocurrencies and other electronic currencies; 2) protection of intellectual property; 3) protection of personal data and information; and 4) violation of antitrust laws. The purpose of the article is to establish the current status of the development of law enforcement in the field of digital law in Russia and to demonstrate the multidirectional nature of legal relations, which are part of the subject area of digital law as an academic discipline. As a result, the main trends in the consideration of disputes by courts over the past year are determined.

Keywords

digital law, digitalization, case law, cryptocurrency, e-currency, digital assets, intellectual property, patent law, antitrust law, personal data, blocking of websites

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study had no sponsorship.

For citation Inozemtsev, M. I. (2022). Digital law in the Russian court practice: Key results of 2021. *Digital Law Journal*, 3(1), 8–19. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-8-19>

Submitted: 01 Feb. 2022, accepted: 21 Feb. 2022, published: 31 Mar. 2022

ОТ РЕДАКЦИИ

ЦИФРОВОЕ ПРАВО В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ СУДОВ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ 2021 ГОДА

М.И. Иноземцев

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО-Университет) МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Аннотация

Развитие новых технологий и последующая цифровизация экономики существенным образом воздействуют на правовые отношения, заставляя переосмысливать привычные институты и постулируя новые ранее не возникавшие проблемы. Правовая система может изменяться, адаптироваться и решать новые вызовы двумя базовыми и взаимосвязанными способами: регуляторным (то есть принятием новых нормативных правовых актов) и в ходе судебного разрешения правовых коллизий, сложившихся в пределах отдельного спора. В статье представлен обзор наиболее значимых дел, рассмотренных российскими судами, в области цифрового права за 2021 год. Выборка судебных решений была осуществлена по четырем направлениям складывающейся судебной практики: 1) оборот криптовалют и иных электронных валют; 2) защита права на результаты интеллектуальной деятельности; 3) защита персональных данных и информации и 4) нарушение антимонопольного законодательства. Целью статьи является установление актуального статуса развития правоприменения в области цифрового права России и демонстрация разнонаправленности правоотношений, входящих в предметную область цифрового права как академической дисциплины. В результате постулируются основные тенденции рассмотрения споров судами за прошедший год.

Ключевые слова

право, цифровизация, Россия, судебная практика, криптовалюта, электронная валюта, цифровые финансовые активы, интеллектуальное право, патентное право, антимонопольное право, персональные данные, блокировка сайтов

Конфликт интересов Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования Иноземцев, М. И. (2022). Цифровое право в практике российских судов: основные итоги 2021 года. *Цифровое право*, 3(1), 8–19. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-8-19>

Поступила: 01.02.2022, принята в печать: 21.02.2022, опубликована: 31.03.2022

Introduction

The year 2021 was intended to be a breakthrough year in the development of the technological and scientific sectors and was thus declared the year of science and technology in Russia.¹ This circumstance not only symbolized the progress of Russian scientists and technological specialists on the way toward designing new inventions, creating advanced programs, enriching the Russian and world science, but also meant setting tasks for the domestic legal system to respond to new challenges both in rule-making and applying the law.

Undoubtedly, the past year will be remembered for the rapid development of the regulatory environment. Suffice it to recall the adoption of the law “On the Activities of Foreign Persons in the Information and Telecommunication Network ‘Internet’ on the Territory of the Russian Federation,” also known as the “landing law”;² the ongoing discussion of the “Digital Ruble” project³ and many other legislative and government initiatives. For market participants, the regulatory agenda was aimed at protecting a wide range of people and stimulating Russian IT companies to implement competitive strategies.

Innovations in the regulatory sphere inevitably provoke disputes over the application of new rules. However, the process of formation of judicial practice in the field of digitalization is uneven and characterized by the following trends. Those changes in regulatory legal acts that are initiated by the executive authorities (for example, Roskomnadzor – Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media) and are aimed at regulating relations mainly by an imperative method (primarily a body of administrative regulatory legal acts – for example, the Law on Information Protection⁴), may facilitate the emergence of new cases (for example, to challenge the decisions of the body) shortly after the appearance of the new rules. Such quick-impact changes are also characterized by the fact that the executive authorities already have models, methods and technologies for applying the amended or adopted acts.

The changes in legal acts that are based on a dispositive method of regulating social relations provide a different view on the problem. We are talking primarily about the sphere of private law particularly in the field of intellectual, corporate, and labor law. Normative models of behavior that require private autonomy for their implementation, as a rule, meet with a rather wary attitude of the subjects. The assimilation of new norms and analysis of the risks of their application lead to huge transaction costs for persons and organizations and, accordingly, require time to find ways to resolve conflict situations in practice. At the same time, due to the fact that the IT implementation market has a pronounced professional component and includes, for example, well-known IT giants – Google, Apple, Facebook, etc., its adaptability to new changes is significantly higher as compared to the

¹ Decree of the President of the Russian Federation “On holding the Year of Science and Technology in the Russian Federation”, December 25, 2020, No. 812, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012250002>

² Federal Law of the Russian Federation “On the activities of foreign persons in the information and telecommunication network ‘Internet’ on the territory of the Russian Federation”. Russian Federation Collection of Legislation, 2021, No. 27 (part I), Item. 5064.

³ Bank of Russia. (2020). *A Digital Ruble. Consultation Paper*. https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/113008/Consultation_Paper_201013_eng.pdf

⁴ Federal Law of the Russian Federation «On information, information technologies and information protection». Russian Federation Collection of Legislation, 2006, No. 31 (part 1), Item. 5064.

non-digital market segment, and therefore postulates the accelerated appearance of major disputes arising from the commercial activity of such companies.

In addition, legal disputes on the use of digital technologies are often not submitted for discussion in court. For example, well-known media platforms are making significant efforts to out-of-court settlement of the conflict with both the user and the executive authorities. Accordingly, this circumstance significantly limits the scope of the study of conflicts in the field of digital law.

Since “digital law” as an academic discipline includes consideration of various branches of legislation⁵, it seems reasonable to clarify which branches will be discussed further when reviewing specific judicial acts issued in 2021. First of all, we will consider a number of cases related to the use of cryptocurrencies and other e-currencies in Russia. Secondly, we will turn to a number of significant cases of protection of intellectual property. Thirdly, we will discuss the category of cases of the violation of the legislation on protection of personal data and the law on the protection of information by IT companies. Finally, we will focus on a number of major antitrust disputes that have arisen in the digital sector of the economy.

Cases on the Use of Cryptocurrencies and Other e-Currencies

Case on Unreasonable Enrichment of Cryptocurrency Seller

In February 2021, the Supreme Court ruled on an unjust enrichment case of a cryptocurrency seller.⁶ In 2018, third parties, having fraudulently received bank card details, transferred funds from the deposit of a Sberbank client to the account of another third party. The client was recognized as a victim under Part 3 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, and, subsequently, she asked the court to recover from Sberbank the full amount of lost money, consumer fines and moral damages. All customer demands were satisfied.

In turn, Sberbank filed a lawsuit to recover the sum of unjust enrichment against a third party who received the money from the victim. The defendant substantiated the impossibility of recovering unjust enrichment under Art. 1102 of the Civil Code of the Russian Federation by the fact that there was a legal basis for such enrichment — an agreement for the sale of cryptocurrency with the user on the BTC Banker platform (Hong Kong) in Telegram messenger, payments for which are anonymized.

The court of first instance refused Sberbank to recover from the defendant the amount of unjust enrichment. The appellate court, pointing out that the funds were not transferred against the obligation of the injured client, came to the conclusion that the existence of a lawful transaction between the platform user and the cryptocurrency seller does not exclude the possibility of recovering the amount of unjust enrichment. Subsequently, the Court of Cassation upheld that decision.

The Supreme Court considered that the recovery of unjust enrichment was impossible, since the cryptocurrency seller had legal grounds for receiving funds, namely, a contract for the sale of

⁵ Inozemtsev, M.I. (2021). Digital law: The pursuit of certainty. *Digital Law Journal*, 2(1), 8–28. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-1-8-28>

⁶ Ruling of the Judicial Chamber on Civil Cases of the Russian Federation Supreme Court of Feb. 2, 2021, No. 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019.

cryptocurrency. The court noted that the damage to the bank was caused by the actions of another third party to pay for this purchase. However, the presence of a clear economic interest on the part of the defendant (seller) serves as an obstacle to recovering from him the sum of unjust enrichment.

The court pointed out the subsidiarity of the rules on the recovery of unjust enrichment, and ordered a retrial, focusing the attention of the appellate court on the question of the possibility of defining the nature of the claim as a claim for the recovery of damages and determining the proper defendant.

Cases of Blocking of Bank Card due to the Payment for the Sold Cryptocurrency

In 2021, cases similar in factual circumstances were considered by the Second Cassation Court of the Russian Federation⁷ and the Sverdlovsk Regional Court.⁸ In both cases, the bank blocked its clients' cards due to suspicious payments. The clients tried to prove the purpose of the payment and define it as a payment for the contract of sale of cryptocurrencies concluded on the crypto exchange.

In the first case, the courts of first instance and appeal denied the client's claim, confirming the bank's actions and allowing unjust enrichment to be recovered (by analogy with the case discussed above). The court of cassation ordered a retrial, clarifying the subject of proof by the need for the court to study the rules of the crypto exchange and request a register of operations and persons involved in them.

In the second case, the court of first instance ruled in favor of the bank. However, the appellate court, having ensured that the defendant had provided financial documentation confirming the purpose of the payment and the nature of the transactions being carried out, took his side, obliging Sberbank to unblock the cards and partially reimburse the funding of the client's the legal representative.

The Case of Electronic Currency Web Money

On June 1, 2021, the Supreme Court issued a landmark ruling in which it recognized WMZ, the electronic currency of the Web Money Transfer payment system, as an object of civil rights.⁹ According to the circumstances of the case, the claimant transferred 5.000 WMZ to the defendant under several assignment agreements. The claimant went to court to recover the debt from the party to a contract of sale of rights.

The positions of the court of first instance, the appellate court and the court of cassation were based on Art. 128, 140 of the Civil Code of the Russian Federation, clause 1.1, Ch. 1 of the Regulation of the Bank of Russia dated June 19, 2012 "On the rules for the transfer of funds", paragraph 19 of Art. 3 of the Federal Law of June 27, 2011 "On the National Payment System". According to the courts' opinions, WMZ is a title unit — an accounting unit that is subject to exchange only within the virtual payment system. Since this title sign is not an object of the material world, it does not have the

⁷ The Second Cassation Court of General Jurisdiction. (2021, April). *The Second Court of Cassation have ordered a retrial.* https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=335

⁸ Appellate Ruling of Sverdlovsk Regional Court No. 2-135/2021 of July 9, 2021, No. 33-8120/2021. https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15003808&delo_id=5&new=5&text_number=1

⁹ Ruling of the Judicial Chamber on Civil Cases of the Russian Federation Supreme Court of June 1, 2021 № 48-KG21-3-K7, 2-5227/2019.

quality of a thing, including money and securities, it is not an object of civil rights and the rights to it cannot be the subject of an assignment agreement.

The Supreme Court approached the analysis of the existing legal relations more flexibly, taking into account the actual realities of the circulation of the electronic currency WMZ. The Judicial Chamber took into account the variety of ways to replenish the wallets of the Web Money Transfer System, the nature of this payment system, based on the guarantee of Amstar Holdings Limited, as well as the possibility of paying for services and items of the material world in Russia and abroad, including state duties, fines, etc. Thus, the Supreme Court demonstrated an exemplary analysis of the legal relations of using WMZ and took into account the actual involvement of this electronic currency in the legal field.

Case of the Recovery of Bitcoins Held in Adverse Possession

While in the case considered above, the claimant tried to recover the debt under the contractual obligation in court, in the case that will be discussed below, the claimant turned to a different way of protecting the violated right — suit in rem — for the purpose of recovering bitcoins.¹⁰

According to the circumstances of the case, in 2018, the claimant transferred bitcoins to the defendant for fiduciary management. Under the terms of the parole agreement, he had to invest them over five months and then return them back, retaining 20 % of the profit. However, after the expiration of the contract, the defendant did not return the cryptocurrency, explaining that he had lost it.

At the time of the presentation of the vindictory action, the “Law on Digital Financial Assets” had already been adopted, according to which bitcoin refers to property.¹¹ Nevertheless, this does not give grounds to consider signs of an item of property as an object of civil rights. Accordingly, the claimant chose an improper way to protect the right. However, due to the controversial nature of the transferred assets, the court noted that, all other things being equal, in accordance with paragraph 32 of the Plenary Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation and of the Highest Arbitration Court of the Russian Federation “On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights”, it was not established that the property is in the possession of the defendant.¹² It was found that the defendant returned the remaining amount of cryptocurrency, which was not disputed by the claimant. The risk of a decrease in the value of a cryptocurrency in the course of its trust management, which happened in the present case, does not give rise to the right on the claimant’s side to sue for its quantitative equivalent.

Case of the Recovery of Lost Profits from the Electricity Supplier

Allo-Info LLC applied to the Arbitrazh Court with a statement of claim against Saratov Enterprise of Urban Electric Networks LLC, demanding the recovery of losses in the form of real

¹⁰ Decision of Sverdlovsk District Court of Sep. 9, 2021, No. 2-2888/2021. <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/3348f6c0-541c-11ec-9476-c344114bec22>

¹¹ Federal Law of the Russian Federation «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Russian Federation Collection of Legislation, 2020, No. 31 (part I), Item 5018.

¹² Plenary Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation and of the Highest Arbitration Court of the Russian Federation “On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights”. Ros. Gaz., 2010, No. 109.

damage in the amount of 1 500 000 rubles and lost profits in the amount of 14 800 000 rubles.¹³ After clarification, the claims were directed to recover losses from the defendant in the form of lost profits caused in connection with damage to mining equipment in the amount of 11 200 000 rubles.

The court of first instance satisfied the claims for the recovery of actual damages, leaving the claims for the recovery of lost profits unsatisfied due to the lack of evidence of a causal relationship.

In addition, the court, being extremely categorical, indicated that the risks of carrying out business activities related to mining in the absence of proper legal regulation are fully borne by the claimant and he “is not entitled to receive income that he could have received under normal conditions of civil circulation if his right was not violated (lost profits).”

Of course, the last statement — about the absence of the right to recover lost profits from persons who carry out cryptocurrency mining — is unjustified. The issue of satisfying such demands should be decided upon based on the general provisions on civil liability.

Cases of Intellectual Property Protection

VK v. Double Data

This dispute has become one of the most tendentious disputes in Russia at the intersection of digital law and intellectual property law.¹⁴ Double Data LLC, which specializes in data mining — the collection of publicly available data, — regularly monitored the VK network, aggregated information about users and, at the request of credit institutions, compiled a profile of potential borrowers. This type of data mining is also known as parsing.

VK demanded to stop extracting information from user databases and stop reusing it.

In 2017, the court of first instance completely refused VK to satisfy the claims.¹⁵ The appellate court overruled the decision of the court of first instance and partially satisfied the requirements of VK.¹⁶ The Intellectual Property Court reversed the decisions of the lower courts and ordered a retrial.¹⁷

¹³ Ruling of the Twelve Arbitrazh Appellate Court. Case No. A57-15876/2020. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c79022cb-988a-427b-87a8-a49862173a8a/9f93cfcc-6916-47ae-b9d7-cc2744d36cdb/A57-15876-2020_20210630_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

¹⁴ Ruling of the Ninth Arbitrazh Appellate Court of July 8, 2021, No 09АП-31545/2021-GK. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/a8505aef-b00b-4962-a25c-cce1bf9e18d5/A40-18827-2017_20210708_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf

¹⁵ Decision of Moscow Arbitrazh Court of October 12, 2017, No. A40-18827/17-110-180. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/f00dab8b-54b3-4283-bd50-133b5009310b/A40-18827-2017_20171012_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

¹⁶ Ruling of the Ninth Arbitrazh Appellate Court of February 6, 2018, No 09АП-61593/2017-GK https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/2604674d-9228-4a7b-9e29-df5a0b36a7c3/A40-18827-2017_20180206_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf

¹⁷ Ruling of Intellectual Property Court of July 24, 2018, Case No. A40-18827/2017. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/4c9d2b02-4fbd-4554-82c8-53282523639c/A40-18827-2017_20180724_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

In 2021, the court of first instance refused to satisfy the requirements of VK.¹⁸ Finally, the appellate court granted VK claims in full.¹⁹ At the same time, the Intellectual Property Rights Court will have to revert to the consideration of this dispute again in May 2022.

Whether the parsing of web resources in Russia will be allowed depends on the decision in this case. According to the latest position of the appellate court, data mining and the subsequent use of information obtained from sites is allowed only if the rights and legally protected interests of users are not violated.

Moreover, the key conclusion of the courts in this case was that the exclusive right to the user database belongs to VK. When deciding the issue of ownership of exclusive right to a database, it does not matter whether the database is an “indirect product” or not, it is only required to establish that significant costs are objectively required to create a database. At the same time, Double Data did not refute the presumption that VK costs were significant for its creation.

Case about Samsung Pay Ban

In 2021, the Swiss company Squin SA filed a lawsuit against Samsung Electronics Rus and Samsung Electronics Co Ltd. to stop using Samsung Pay in Russia because the technology infringes on the claimant’s patent called “electronic payment system”.

The Moscow Arbitrazh Court fully satisfied the claim and banned “the use of products that include the Samsung payment service.”²⁰ Subsequently, the court clarified in an additional decision dated October 26, 2021, which models of smartphones are prohibited from being imported into Russia due to patent infringement.

In December, the appellate court started a review of the decision of the Moscow Arbitrazh Court, under which the latter had refused to involve Visa Payment System LLC, Mastercard LLC and National Payment Card System JSC as third parties that do not declare independent claims.²¹ Then the court rejected the claim due to violation of the procedural deadlines for filing it, and in 2022 the court terminated the proceedings.²²

¹⁸ Decision of Moscow Arbitrazh Court of March 22, 2021, Case No. A40-18827/17-110-180. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/5f0df387-8b34-426d-9fd7-58facdb8a367/A40-18827-2017_20210322_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

¹⁹ Ruling of the Ninth Arbitrazh Appellate Court of July 8, 2021 Case No. 09АП-31545/2021-GK. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/a8505aef-b00b-4962-a25c-cc1bf9e18d5/A40-18827-2017_20210708_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf

²⁰ Decision of Moscow Arbitrazh Court of July 27, 2021, Case No A40-29590/20-12-183. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/12c0db2f-d4ed-4af5-8d64-46a890fbc9b3/09ecf346-23df-4689-9097-572e75cd9674/A40-29590-2020_20210727_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

²¹ Ruling of the Ninth Arbitrazh Appellate Court No. 09АП-56078/2021, Case No. A40-29590/20. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/12c0db2f-d4ed-4af5-8d64-46a890fbc9b3/5dd60842-bdc7-480d-a524-430e1b0ea413/A40-29590-2020_20210820_Opredelenie.pdf

²² Ruling of the Ninth Arbitrazh Appellate Court No. 09АП-77387/2021, Case No. A40-29590/20. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/12c0db2f-d4ed-4af5-8d64-46a890fbc9b3/04c6d1b8-1915-4fe0-9049-b1ef1122c2cb6/A40-29590-2020_20220304_Opredelenie.pdf

Cases of the Protection of Personal Data and the Law on the Protection of Information by the IT Companies

Case of the Telegram Bot “Eye of God”

In June 2021, Roskomnadzor filed a lawsuit against the owner of one of the largest services for finding information about citizens and organizations, called “Eye of God”. This Telegram bot specialized in systematizing big data from open sources: social networks, messengers, search engines, websites, applications, etc. providing, in essence, services for parsing Internet resources to a wide range of people (see the aforementioned VK v. Double Data case). The main difference is that, according to the position of Roskomnadzor, the service also used data from closed sources without the proper consent of the subjects of personal data.

After consideration of this case, the court ruled in favor of Roskomnadzor, recognizing the activity of the owner of the resource as “illegal and violating the rights of citizens to privacy, personal and family secrets” (Part 1 of Art. 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation)²³, which serves as the basis for including this Telegram bot in the Register of violators of the rights of subjects of personal data (Part 5 of Art. 15.5 of the “Law on Information Protection”).

Personal Data Storage Case — Roskomnadzor v. Google

In July 2021, as a result of administrative proceedings initiated by Roskomnadzor, Google LLC was fined 3 million rubles for refusing to localize the data of Russian users on the territory of the Russian Federation (Part 8 of Art. 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation)²⁴.

The provision of Part 5 of Art. 18 of the “Law on Personal Data” prohibits the storage of personal data of Russian citizens on foreign servers and provides for the obligation to use Russian servers for these purposes. Under this provision, the maximum fine is 6 million rubles and 18 million rubles for repeated violation.

Roskomnadzor v. Google — the First Negotiable Fine in Relation to an IT Company

On December 24, 2021, the court issued a ruling imposing an administrative penalty on Google LLC for repeated violation of the procedure for restricting access to information at the request of Roskomnadzor (Part 5 of Art. 13.41 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation)²⁵. The turnover fine provided for by this rule — from one twentieth to one tenth of the total amount of revenue received from the sale of all goods (works, services) for the period specified by law — was amounted to more than 7.2 billion rubles.

This decision was the first case in Russia of the imposition of a turnover fine and the corresponding application of Part 5 of Art. 13.41 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in relation to an IT company.

²³ Decision of Moscow Court of Taganskiy District of July 1, 2021, Case No. 2-2418/2021. <https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/cases/docs/content/435ed4c0-db5a-11eb-8710-cff7cfa2902d>

²⁴ Ruling of magistrate judge of Moscow judicial district No. 422 on the imposition of an administrative penalty of July 29, 2021. <https://mos-sud.ru/422/cases/docs/content/b66f679f-d9b9-4faf-86ac-344a10306ffa>

²⁵ Ruling of magistrate judge of Moscow judicial district No. 422 on the imposition of an administrative penalty of July 24, 2021. <https://mos-sud.ru/422/cases/docs/content/1b6bebe4-4c2a-4a73-b8b0-d65fa664e175>

Antitrust Disputes

Booking.com v. Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation

At the end of 2020, the Federal Antimonopoly Service of Russia (hereinafter — the FAS) saw in the activities of Booking.com an abuse of its dominant position in the market, which was expressed in the imposition of unfavorable General Conditions for the Provision of Services on hotels (Clause 3, Part 1, Art. 10 of the “Law on the Protection of Competition”). In accordance with these conditions, contracting hotels guarantee rooms to tourists or other agencies at prices lower than those set on the Booking.com platform website. Thus, Booking.com tried to protect itself from losing booking fees in the case when a tourist chose a hotel on the platform, and made the final booking directly at a better price.

The Federal Antimonopoly Service demanded that the price parity clause be removed from hotel contracts, but the company took no action to comply with the demands of the antitrust authority. The FAS also ruled to impose a turnover fine on Booking.com in the amount of 1.3 billion rubles, which amounted to 11.5 % of the turnover of the booking service in Russia in 2020.

Booking.com did not agree with the decision of the FAS and in 2021 went to court to challenge the decision of the antimonopoly body. The Moscow Arbitrazh Court upheld the claim of Booking.com to challenge the decision of the FAS.²⁶ The appellate court²⁷ and court of cassation²⁸ upheld the decision of the Arbitrazh Court of first instance in force.

Similar cases involving hotel booking aggregators have already been considered by antitrust authorities in many countries (in particular, in Germany²⁹ and France³⁰). In similar cases, the price parity clause was found to restrict competition and therefore be contrary to antitrust regulation.

Price parity can be of two types:

1. Narrow parity — the aggregator prohibits direct sales to consumers on better terms (for example, from its own website or by phone).
2. Wide parity — the aggregator prohibits sales on better terms through other aggregators.³¹

²⁶ Decision of Moscow Arbitrazh Court of Sep. 9, 2021, Case No. A40-19473/2021-147-138. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ed35e79-1aa7-45a9-934c-e41875c3e42d/b5fec426-9eb9-44bd-9f1e-078aad99ad3b/A40-19473-2021_20210906_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

²⁷ Ruling of the Ninth Arbitrazh Appellate Court of Nov. 17, 2021, No. 09АП-69386/2021, Case No. A40-19473/2021 https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ed35e79-1aa7-45a9-934c-e41875c3e42d/4f5322ad-4acf-444d-a45d-e30a867b99d4/A40-19473-2021_20211117_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

²⁸ Ruling of Arbitrazh Court of Moscow Circuit of March 11, 2022, Case No. A40-19473/2021. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ed35e79-1aa7-45a9-934c-e41875c3e42d/43c9d03b-0255-4283-a67f-ac9d6f6a76f4/A40-19473-2021_20220311_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

²⁹ Decree of Federal Cartel Office NoB9-66/10 <https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Entscheidung/EN/Entscheidungen/Kartellverbot/B9-66-10.html>

³⁰ Décision 15-D-06 du 21 avril 2015. <https://www.autoritedelaconurrence.fr/fr/decision/sur-les-pratiques-mises-en-oeuvre-par-les-societes-bookingcom-bv-bookingcom-france-sas-et>

³¹ Jaremchuk, A.V. (2022). Anti-Competitive Practices in Digital Markets: Experience of Foreign Countries *Российское конкурентное право и экономика*. Special Issue. pp. 78–87, <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-SpV-78-87>

The FAS banned broad and narrow parity at the same time, which generally corresponds to the experience of foreign law enforcement agencies, which came to this step by step banning wide and then narrow price parity.

The price parity condition is typical for any other contracts that are entered into by the owners of aggregators and e-commerce platforms (for example, delivery services or marketplaces). Therefore, it is likely that other e-commerce platforms are forced to follow the decision of the FAS, confirmed by the court decision, and revise the terms of their agreements with counterparties.

Conclusions

In the article, we have analyzed the most significant, in our opinion, litigation disputes that were resolved by Russian courts in 2021. We have tried to demonstrate the breadth of the problematic issues which Russian legal system faced in the context of digitalization, as well as their solutions, which, regardless of their success and compliance needs of professional market participants, consumers and the state, determine the agenda for the development of digital law in several directions.

Of course, there are many other equally interesting disputes, cases and legal positions that the reader would probably like to get acquainted with in the course of reading the Digital Law Journal. That is why we invite you — our thoughtful readership — to become the author of an article, essay or review, in which you could state your views on certain issues of digital law, laying strong doctrinal foundation for the further evolution of the legal regulation of the digital economy in 2022.

For the third year, the Digital Law Journal has been an important discussion platform for debating and developing international and national problems of digital law and economics, a place for scientific cooperation in one of the most adaptable, innovative and changing fields of knowledge. The Journal invariably strengthens its position as a publishing and scientific project.

All this would not have been possible without the already established readership, authors willing to share their views, staunch adherents of the ideals of science and ethics of the reviewers, the team of editors and the support of the publisher.

With great pleasure, we present to your attention the first issue of the third volume of the Digital Law Journal and express the hope that in 2022 we will succeed in mastering the new frontiers of digital law and economics!

Information about the author:

Maxim I. Inozemtsev — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, MGIMO-University, Editor-in-Chief, Digital Law Journal, Moscow, Russia.

inozemtsev@inno.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-1363>

Сведения об авторе:

Иноземцев М.И. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, главный редактор журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal), Москва, Россия.

inozemtsev@inno.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-1363>

ОТ РЕДАКЦИИ

ЦИФРОВОЕ ПРАВО В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ СУДОВ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ 2021 ГОДА

М.И. Иноземцев

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО-Университет) МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Аннотация

Развитие новых технологий и последующая цифровизация экономики существенным образом воздействуют на правовые отношения, заставляя переосмысливать привычные институты и постулируя новые ранее не возникавшие проблемы. Правовая система может изменяться, адаптироваться и решать новые вызовы двумя базовыми и взаимосвязанными способами: регуляторным (то есть принятием новых нормативных правовых актов) и в ходе судебного разрешения правовых коллизий, сложившихся в пределах отдельного спора. В статье представлен обзор наиболее значимых дел, рассмотренных российскими судами, в области цифрового права за 2021 год. Выборка судебных решений была осуществлена по четырем направлениям складывающейся судебной практики: 1) оборот криптовалют и иных электронных валют; 2) защита права на результаты интеллектуальной деятельности; 3) защита персональных данных и информации и 4) нарушение антимонопольного законодательства. Целью статьи является установление актуального статуса развития правоприменения в области цифрового права России и демонстрация разнонаправленности правоотношений, входящих в предметную область цифрового права как академической дисциплины. В результате постулируются основные тенденции рассмотрения споров судами за прошедший год.

Ключевые слова

право, цифровизация, Россия, судебная практика, криптовалюта, электронная валюта, цифровые финансовые активы, интеллектуальное право, патентное право, антимонопольное право, персональные данные, блокировка сайтов

Конфликт интересов Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования Иноземцев, М. И. (2022). Цифровое право в практике российских судов: основные итоги 2021 года. *Цифровое право*, 3(1), 8–19. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-8-19>

Поступила: 01.02.2022, принята в печать: 21.02.2022, опубликована: 31.03.2022

EDITORIAL

DIGITAL LAW IN THE RUSSIAN COURT PRACTICE: KEY RESULTS OF 2021

Maxim I. Inozemtsev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

Abstract

The development of new technologies and the subsequent digitalization of the economy significantly affect legal relations, forcing us to rethink the usual institutions and establishing new problems that have not arisen before. The legal system can change, adapt and meet new challenges in two basic and interrelated ways: regulatory (that is, the adoption of new regulatory legal acts) and in the course of judicial resolution of legal conflicts that have developed within a particular dispute. The article provides an overview of the most significant cases considered by Russian courts in the field of digital law in 2021. A selection of court decisions was carried out in four areas of emerging judicial practice: 1) use of cryptocurrencies and other electronic currencies; 2) protection of intellectual property; 3) protection of personal data and information; and 4) violation of antitrust laws. The purpose of the article is to establish the current status of the development of law enforcement in the field of digital law in Russia and to demonstrate the multidirectional nature of legal relations, which are part of the subject area of digital law as an academic discipline. As a result, the main trends in the consideration of disputes by courts over the past year are determined.

Keywords

digital law, digitalization, case law, cryptocurrency, e-currency, digital assets, intellectual property, patent law, antitrust law, personal data, blocking of websites

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study had no sponsorship.

For citation Inozemtsev, M. I. (2022). Digital law in the Russian court practice: Key results of 2021. *Digital Law Journal*, 3(1), 8–19. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-8-19>

Submitted: 01 Feb. 2022, accepted: 21 Feb. 2022, published: 31 Mar. 2022

Введение

Минувший 2021 год был призван стать прорывным в области развития технологического и научного секторов. Так, 2021 год был объявлен в России годом науки и технологий¹. Данное обстоятельство не только символизировало продвижение российских ученых и технологических специалистов на пути к конструированию новых изобретений, созданию передовых программ, обогащению российской и мировой науки, но и означало постановку перед отечественной правовой системой новых задач, стимулировало поиск ответов на новые вызовы как в нормотворчестве, так и в процессе применения права.

Безусловно, год запомнится бурным развитием регуляторной среды. Достаточно вспомнить принятие закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации», также известного как «закон о приземлении»², ведущееся обсуждение проекта «цифрового рубля»³ и многие другие законодательные и правительственные инициативы. Для участников рынка регуляторная повестка зачастую служила средством достижения цели защитить широкий круг лиц, стимулировать российские IT-компании реализовывать конкурентные стратегии.

Нововведения в регуляторной сфере неизбежно провоцируют возникновение споров по поводу применения новых норм. Однако процесс формирования судебной практики в области цифровизации происходит неравномерно и характеризуется следующими тенденциями. Те изменения в нормативные правовые акты, которые инициированы органами исполнительной власти (например, Роскомнадзором) и направлены на регулирование отношений преимущественно императивным методом (прежде всего корпус административных нормативных правовых актов — например, Закон о защите информации⁴), могут послужить появлению новых дел (к примеру, по оспариванию решений органа) в короткий срок после появления новых правил. Такие быстрореализуемые изменения также характеризуются тем, что у органов исполнительной власти уже имеются модели, методы и технологии для применения измененных или принятых актов.

Иная ситуация складывается в связи с изменениями в нормативные правовые акты, которые основываются на диспозитивном методе регулирования общественных отношений. Речь идет прежде всего о сфере частного права (особенно в области интеллектуального, корпоративного, трудового права). Нормативные модели поведения, требующие частной автономии для их реализации, как правило, встречают довольно настороженное отношение субъектов. Освоение новых норм и взвешивание рисков их применения провоцируют возникновение больших транзакционных издержек со стороны субъектов частного права и, соответственно, требуют большего времени для формирования практики по конфликтным ситуациям. В то же время в силу того, что рынок реализации IT имеет ярко выраженную профессиональную составляющую и включает, к примеру, известных IT-гигантов — Google, Apple, Facebook и др., его адаптивность к новым

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2020 № 812 «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий», <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012250002>

² Федеральный закон «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 2021, № 27 (часть I), ст. 5064.

³ Банк России. (2020). Цифровой рубль. Доклад Банка России для общественных консультаций. https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf

⁴ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (1 ч.), ст. 5064.

изменениям значительно возрастает по сравнению с рыночным *нецифровым* сегментом, а значит, постулирует ускоренное появление крупных споров в связи с участием таких компаний в обороте.

Кроме того, споры в связи с использованием цифровых технологий нередко не выносятся на обсуждение в судебном заседании. Например, известные медиаплатформы прилагают значительные усилия по внесудебному урегулированию конфликта как с пользователем, так и с органами исполнительной власти. Соответственно, это обстоятельство значительно ограничивает пределы исследования конфликтов в области цифрового права.

Поскольку «цифровое право» как академическая дисциплина включает в себя рассмотрение различных отраслей законодательства⁵, представляется разумным уточнить о каких отраслях пойдет речь далее при обзоре конкретных судебных актов за 2021 год. В первую очередь мы рассмотрим ряд дел, связанных с внедрением в российский оборот криптовалют и иных электронных валют. Во-вторых, мы обратимся к ряду значимых дел, связанных с регулированием прав на результаты интеллектуальной деятельности. В-третьих, мы рассмотрим категорию дел в связи с нарушением законодательства о защите персональных данных и закона о защите информации IT-компаниями. Наконец, в-четвертых, сфокусируемся на ряде крупных антимонопольных споров, возникших в цифровом секторе экономики.

Дела, связанные с обращением криптовалюты и иной электронной валюты

Дело о взыскании неосновательного обогащения с продавца криптовалюты

В феврале 2021 г. Верховный Суд вынес определение по делу о неосновательном обогащении продавца криптовалюты⁶. В 2018 году третьи лица, получив обманным путем данные банковской карты, перевели со вклада клиента Сбербанка на счет другого третьего лица денежные средства. Клиент была признана потерпевшей по ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и обратилась в суд для взыскания со Сбербанка полной суммы утраченных денежных средств, потребительского штрафа и морального ущерба. Все требования клиента были удовлетворены.

В свою очередь, Сбербанк подал иск о взыскании суммы неосновательного обогащения к третьему лицу, которое получило денежные средства потерпевшей. Ответчик обосновывал невозможность взыскания неосновательного обогащения по ст. 1102 ГК РФ тем, что имелось *правовое основание* для такого обогащения — договор по продаже криптовалюты пользователю на платформе BTC Banker (Гонконг) в Telegram, платежи по которым анонимизированы.

Суд первой инстанции отказал Сбербанку во взыскании с ответчика суммы неосновательного обогащения. Суд апелляционной инстанции, указав, что денежные средства не были перечислены в счет обязательства потерпевшего-клиента, пришел к выводу, что наличие правомерной сделки между пользователем платформы и продавцом криптовалюты не исключает возможность взыскания суммы неосновательного обогащения. Впоследствии суд кассационной инстанции оставил указанное решение в силе.

Верховный Суд посчитал, что взыскание неосновательного обогащения невозможно, поскольку продавец криптовалюты имел правовые основания на получение денежных средств,

⁵ Иноземцев, М.И. (2021). Цифровое право: в поисках определенности. *Цифровое право*, 2(1), 8–28. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-1-8-28>

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019.

а именно — договор купли-продажи криптовалюты. Суд обратил внимание, что ущерб банку был причинен действиями иного третьего лица для оплаты этой покупки. Тем не менее наличие явного экономического интереса на стороне ответчика-продавца служит препятствием для взыскания с него суммы неосновательного обогащения.

Суд указал на subsidiарность норм о взыскании неосновательного обогащения, отправил дело на новое рассмотрение, акцентировав внимание суда апелляционной инстанции на возможности перекалфикации природы искового требования на требование о взыскании убытков и определения надлежющего ответчика.

Дела о блокировке банковских карт в связи с оплатой проданной криптовалюты

Схожие по фактическим обстоятельствам дела в 2021 году были рассмотрены Вторым кассационным судом Российской Федерации⁷ и Свердловским областным судом⁸. В обоих случаях банк заблокировал карты своего клиента в связи с поступлением подозрительных платежей. Клиент попытался доказать назначение платежа — оплата договора купли-продажи криптовалюты, заключенного на криптобирже.

В первом деле суды первой и апелляционной инстанции отказали в требовании клиенту, подтвердив действия банка и позволив взыскать неосновательное обогащение (по аналогии со случаем, рассмотренным выше). Суд кассационной инстанции отправил дело на новое рассмотрение, уточнив предмет доказывания. Суд обратил внимание на необходимость изучения нижестоящими судами правил криптобиржи, запроса реестра операций и лиц, участвующих в них.

Во втором деле суд первой инстанции вынес решение в пользу банка. Но апелляционный суд, убедившись в предоставлении ответчиком финансовой документации, подтверждающей назначение платежа и характер осуществляемых сделок, встал на его сторону, обязав Сбербанк разблокировать карты и частично возместить расходы клиента на представителя.

Дело об электронной валюте Web Money

1 июня 2021 года Верховный Суд вынес знаковое определение, в котором признал объектом гражданских прав WMZ, электронную валюту платежной системы Web Money Transfer⁹. По обстоятельствам дела, истец передал ответчику по нескольким договорам цессии 5 000 WMZ. Для взыскания долга из договоров купли-продажи права истец обратился в суд.

Позиция суда первой инстанции, апелляционного и кассационного судов заключалась в том, что в соответствии со ст. 128, 140 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 1.1 гл. 1 положения Банка России от 19 июня 2012 г. № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» WMZ являются титульным знаком — учетной единицей, которая подлежит обмену только в рамках виртуальной платежной системы. Поскольку данный титульный знак не является предметом материального мира, не имеет качество вещи, в том числе денег

⁷ Второй Кассационный суд общей юрисдикции. (2021, апрель). *Второй кассационный суд направил на новое рассмотрение дело о продаже криптовалюты*. https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=335

⁸ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 09.07.2021 № 2-135/2021 по делу № 33-8120/2021. https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15003808&delo_id=5&new=5&text_number=1

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2021 № 48-КГ21-3-К7, 2-5227/2019.

и ценных бумаг, он не является объектом гражданских прав и права на него не могут выступать предметом договора цессии.

Верховный Суд подошел к анализу сложившихся правоотношений более гибко и с учетом фактических реалий оборота электронной валюты WMZ. Судебной коллегией было учтено многообразие способов пополнения кошельков системы Web Money Transfer, природа данной платежной системы, основанная на гарантии компании Amstar Holdings Limited, а также возможность оплаты услуг и предметов материального мира в России и за рубежом, в том числе государственных пошлин, штрафов и т. п. Таким образом, Верховный суд продемонстрировал образцовый анализ складывающихся по поводу использования WMZ правоотношений и учел фактическую вовлеченность данной электронной валюты в правовое поле.

Дело о возврате биткоинов из чужого незаконного владения

Если в рассмотренном выше случае истец пытался в судебном порядке взыскать долг по обязательству, то в деле, о котором пойдет речь, истец обратился к иному способу защиты нарушенного права — вещному способу защиты — для целей возврата биткоинов, что не нашло положительного отклика со стороны суда¹⁰.

По обстоятельствам дела, истец в 2018 году передал биткоины в доверительное управление ответчику. По условиям устного договора, за пять месяцев тот должен был инвестировать их, а затем вернуть обратно, оставив себе 20 % прибыли. Однако по истечении срока договора ответчик не вернул криптовалюту, объяснив, что утратил ее.

В момент предъявления виндикационного требования уже был принят «Закон о цифровых финансовых активах»¹¹, в соответствии с которым биткоин относится к имуществу. Тем не менее это не дает основания усматривать в нем признаки вещи как объекта гражданских прав. Соответственно, истцом был избран ненадлежащий способ защиты права. Однако во ввиду спорности природы переданных активов суд обратил внимание, что при прочих равных обстоятельствах, согласно п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»¹², не было установлено, что имущество находится во владении ответчика. Было установлено, что ответчик возвратил оставшийся объем криптовалюты, что не оспаривалось истцом. Риск уменьшения стоимости криптовалюты в ходе осуществления доверительного управления ею, что и произошло в настоящем деле, не порождает право на стороне истца истребовать ее количественный эквивалент.

Дело о взыскании упущенной выгоды с поставщика электроэнергии

В Арбитражный суд обратилось ООО «Алло-Инфо» с иском заявлением к ООО «Саратовское предприятие городских электрических сетей», с требованием о взыскании убытков в виде реального ущерба в размере 1 500 000 рублей, упущенной выгоды в размере

¹⁰ Решение Савеловского районного суда от 09.11.2021 г. № 2-2888/2021. <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/3348f6c0-541c-11ec-9476-c344114bec22>

¹¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Сборник законодательства РФ, 2020, № 31 (часть 1), ст. 5018.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Российская газета, 2010, № 109.

14 800 000 рублей¹³. После уточнения исковых требований, истец попытался взыскать с ответчика убытки в форме упущенной выгоды, причиненной в связи с порчей оборудования для майнинга в размере 11 200 000 рублей.

Суд первой инстанции удовлетворил требования о взыскании реального ущерба, оставив без удовлетворения требования о взыскании упущенной выгоды в связи с недоказанностью причинно-следственной связи.

Кроме того, суд чрезвычайно категорично указал, что риски осуществления предпринимательской деятельности в форме майнинга в отсутствие надлежащего правового регулирования полностью возлагаются на истца и он «не вправе рассчитывать на получение доходов, которые он мог получить бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)».

Безусловно, последнее утверждение — об отсутствии права на взыскание упущенной выгоды у лиц, которые осуществляют майнинг криптовалюты — является неоправданным. Вопрос удовлетворения подобных требований должен решаться исходя из общих положений о гражданско-правовой ответственности.

Дела, связанные с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности

Дело «ВКонтакте» против Double Data

Данный спор стал одним из самых тенденциозных споров в России в области цифрового права и права интеллектуальной собственности¹⁴. Компания Double Data (ООО «Дабл»), специализирующаяся на датамайнинге — сборе общедоступных данных, регулярно осуществляла мониторинг сети «ВКонтакте», агрегировала информацию о пользователях и по запросу кредитных организаций составляла профиль потенциальных заемщиков. Такой вид датамайнинга известен также как парсинг.

«ВКонтакте» требовала прекратить извлечение информационных материалов из баз данных пользователей и прекратить их повторное использование.

В 2017 году суд первой инстанции полностью отказал «ВКонтакте» в удовлетворении исковых требований¹⁵. Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и частично удовлетворил требования «ВКонтакте»¹⁶. Суд по интеллектуальным правам отменил решения нижестоящих судов, дело было направлено на новое рассмотрение¹⁷.

¹³ Постановление Двенадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А57-15876/2020. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c79022cb-988a-427b-87a8-a49862173a8a/9f93cfcc-6916-47ae-b9d7-cc2744d36cdb/A57-15876-2020_20210630_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

¹⁴ Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 08.07.2021 по делу № 09АП-31545/2021-ГК. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/a8505aef-b00b-4962-a25c-cc1bf9e18d5/A40-18827-2017_20210708_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf

¹⁵ Решение Арбитражного суда города Москвы от 12.10.2017 по делу № А40-18827/17-110-180. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/f00dab8b-54b3-4283-bd50-133b5009310b/A40-18827-2017_20171012_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

¹⁶ Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 06.02.2018 по делу № 09АП-61593/2017-ГК https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/2604674d-9228-4a7b-9e29-df5a0b36a7c3/A40-18827-2017_20180206_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf

¹⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2018 по делу № А40-18827/2017. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/4c9d2b02-4fbd-4554-82c8-53282523639c/A40-18827-2017_20180724_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

В 2021 году суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований «ВКонтакте»¹⁸. Наконец, суд апелляционной инстанции удовлетворил требования «ВКонтакте» в полном объеме¹⁹. При этом в мае этого года Суду по интеллектуальным правам предстоит вновь вернуться к рассмотрению данного спора.

От решения по данному делу зависит, будет ли разрешен парсинг веб-ресурсов в России. Согласно последней позиции апелляционной судебной инстанции, осуществление датамайнинга и последующее использование информации, полученной с сайтов разрешено, только если не нарушаются права и охраняемые законом интересы пользователей.

Кроме того, ключевым выводом судов по данному делу является то, что исключительное право на базу данных пользователей принадлежит «ВКонтакте». При решении вопроса о принадлежности исключительного права на базу данных не имеет значения, является ли база данных «косвенным продуктом» или нет, требуется лишь установить, что на создание базы данных объективно необходимы существенные затраты. При этом Double Data не опровергли презумпцию существенности затрат «ВКонтакте» по ее созданию.

Дело о запрете Samsung Pay

В 2021 году швейцарская компания «Сквин СА» обратилась в суд с иском к «Самсунг Электроникс Рус» и Samsung Electronics Co Ltd. с требованием о прекращении использования Samsung Pay, поскольку данная технология нарушает права на патент истца под названием «система электронных платежей».

Арбитражный суд города Москвы иск полностью удовлетворил и запретил «использование продукции, включающей в себя платежный сервис Samsung Pay»²⁰. Впоследствии суд уточнил в дополнительном решении от 26 октября 2021 года, какие именно модели смартфонов запрещено ввозить на территорию России в связи с нарушением прав на патент.

В декабре судом апелляционной инстанции была принята апелляционная жалоба на решение Арбитражного суда города Москва в связи с отказом в привлечении ООО «Платежная система “Виза”», ООО «Мастеркард» и АО «Национальная система платежных карт» в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований. Затем суд возвратил жалобу в связи с нарушением процессуальных сроков для ее подачи²¹, а в 2022 году суд прекратил по ней производство²².

¹⁸ Решение Арбитражного суда города Москвы от 22.03.2021 по делу № А40-18827/17-110-180. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/5f0df387-8b34-426d-9fd7-58facdb8a367/A40-18827-2017_20210322_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

¹⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2021 г. по делу № 09АП-31545/2021-ГК. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/a8505aef-b00b-4962-a25c-ccc1b-f9e18d5/A40-18827-2017_20210708_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf

²⁰ Решение Арбитражного суда города Москвы от 27.07.2021 по делу № А40-29590/20-12-183. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/12c0db2f-d4ed-4af5-8d64-46a890fbc9b3/09ecf346-23df-4689-9097-572e75cd9674/A40-29590-2020_20210727_Reshenija_i_postanovlenija.pdf

²¹ Определение Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-56078/2021 по делу № А40-29590/20. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/12c0db2f-d4ed-4af5-8d64-46a890fbc9b3/5dd60842-bdc7-480d-a524-430e1b0ea413/A40-29590-2020_20210820_Opredelenie.pdf

²² Определение Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-77387/2021 по делу № А40-29590/20. https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/12c0db2f-d4ed-4af5-8d64-46a890fbc9b3/04c6d1b8-1915-4fe0-9049-b1ef11c22cb6/A40-29590-2020_20220304_Opredelenie.pdf

Дела, связанные с нарушением законодательства о защите персональных данных и информации

Дело о telegram-боте «Глаз Бога»

В июне 2021 года Роскомнадзор подал иск к владельцу одного из самых крупных сервисов по поиску информации о гражданах и организациях «Глаз Бога». Данный telegram-бот специализировался на систематизации больших данных из открытых источников: социальных сетей, мессенджеров, поисковых систем, сайтов, приложений и др., то есть, в сущности, предоставляя широкому кругу лиц услуги парсинга интернет-ресурсов (см. выше дело «ВКонтакте» против Double Data). Однако, согласно позиции Роскомнадзора, сервис использовал также данные из закрытых источников без надлежащего согласия субъектов персональных данных.

В результате рассмотрения данного дела суд вынес решение в пользу Роскомнадзора, признав деятельность владельца ресурса «незаконной и нарушающей права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» (ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ)²³, что служит основанием включения данного telegram-бота в Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных (ч. 5 ст. 15.5 Закона о защите информации).

Дело о хранении персональных данных — Роскомнадзор против Google

В июле 2021 года по результатам административного производства, возбужденного Роскомнадзором, компания Google LLC была оштрафована на 3 млн рублей за отказ локализовать данные российских пользователей на территории Российской Федерации (ч. 8 ст. 13.11 КоАП РФ)²⁴.

Вступившее в силу в 2015 году положение ч. 5 ст. 18 Закона о персональных данных, запрещающее хранение персональных данных российских граждан на зарубежных серверах и предусматривает обязанность использовать для этих целей российские сервера.

Максимальный размер штрафа составляет 6 млн рублей, за повторное нарушение — 18 млн рублей.

Дело Роскомнадзор против Google — первый оборотный штраф в отношении IT-компаний

24 декабря 2021 года суд вынес постановление о назначении административного наказания в отношении Google LLC за неоднократное нарушение порядка ограничения доступа к информации по требованию Роскомнадзора (ч. 5 ст. 13.41 КоАП РФ)²⁵. Предусмотренный данной нормой оборотный штраф — от одной двадцатой до одной десятой совокупного размера суммы выручки, полученной от реализации всех товаров (работ, услуг) за определенный законом период — в связи с объемами выручки Google LLC составил более 7,2 млрд рублей.

²³ Решение Таганского районного суда города Москвы от 01.07.2021 по делу № 2-2418/2021. <https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/cases/docs/content/435ed4c0-db5a-11eb-8710-cff7cfa2902d>

²⁴ Постановление мирового судьи судебного участка № 422 города Москвы о назначении административного наказания от 29.07.2021. <https://mos-sud.ru/422/cases/docs/content/b66f679f-d9b9-4faf-86ac-344a10306ffa>

²⁵ Постановление мирового судьи судебного участка № 422 о назначении административного наказания от 24.07.2021 <https://mos-sud.ru/422/cases/docs/content/1b6bebe4-4c2a-4a73-b8b0-d65fa664e175>

Это решение стало первым случаем наложения в России оборотного штрафа и соответствующего применения ч. 5 ст. 13.41 КоАП РФ в отношении IT-компании.

Дела, связанные с нарушением антимонопольного законодательства

Дело Booking.com против ФАС России

В конце 2020 года Федеральная антимонопольная служба России (далее — ФАС) усмотрела в деятельности компании Booking.com злоупотребление ее доминирующим положением на рынке, которое выжалось в навязывании отелям невыгодных Общих условий предоставления услуг (п. 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции). В соответствии с данными условиями, отели-контрагенты гарантируют номера туристам или другим агентствам по ценам ниже, чем установлены на сайте платформы Booking.com. Тем самым Booking.com старался обезопасить себя от потери комиссии за бронирование в случае, когда турист выбрал отель на платформе, а финальное бронирование осуществлял напрямую по более выгодной цене.

ФАС потребовала исключить из договоров с отелями условие о паритете цен, но компания не предприняла действий по выполнению требований антимонопольного органа. Кроме того, ФАС вынесла решение о наложении оборотного штрафа на Booking.com в размере 1,3 млрд рублей, что составило 11,5 % от оборота сервиса бронирования в России в 2020 году.

Компания Booking.com не согласилась с решением ФАС и в 2021 году обратилась в суд в целях оспаривания решения антимонопольного органа. Арбитражный суд города Москвы оставил без удовлетворения требования Booking.com по оспариванию решения антимонопольного органа²⁶. Суды апелляционной²⁷ и кассационной²⁸ инстанций оставили решение Арбитражного суда первой инстанции в силе.

Схожие дела с участием агрегаторов по бронированию отелей уже были рассмотрены антимонопольными органами во многих странах (в частности, в Германии²⁹, Франции³⁰ и др.). В аналогичных делах оговорка о паритете цен была признана ограничивающей конкуренцию и, соответственно, противоречащая антимонопольному регулированию.

Ценовой паритет может быть двух видов:

1. Узкий паритет: агрегатор запрещает прямые продажи потребителям на лучших условиях (например, с собственного сайта или по телефону).

²⁶ Решение Арбитражного суда города Москвы от 06.09.2021 по делу № А40-19473/2021-147-138. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ed35e79-1aa7-45a9-934c-e41875c3e42d/b5fec426-9eb9-44bd-9f1e-078aad99ad3b/A40-19473-2021_20210906_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

²⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2021 № 09АП-69386/2021 по делу № А40-19473/2021. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ed35e79-1aa7-45a9-934c-e41875c3e42d/4f5322ad-4acf-444d-a45d-e30a867b99d4/A40-19473-2021_20211117_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

²⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2022 по делу № А40-19473/2021. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ed35e79-1aa7-45a9-934c-e41875c3e42d/43c9d03b-0255-4283-a67f-ac9d6f6a76f4/A40-19473-2021_20220311_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

²⁹ Решение Федерального картельного ведомства Германии № В9-66/10. <https://www.bundeskartellamt.de/Shared-Docs/Entscheidung/EN/Entscheidungen/Kartellverbot/B9-66-10.html>

³⁰ Décision 15-D-06 du 21 avril 2015. <https://www.autoritedelaconurrence.fr/fr/decision/sur-les-pratiquesmises-en-oeuvre-par-les-societes-bookingcom-bv-bookingcom-france-sas-et>

2. Широкий паритет: агрегатор запрещает продажи на лучших условиях через других агрегаторов³¹.

ФАС России запретила одновременно широкий и узкий паритет, что в целом соответствует опыту зарубежных правопорядков, которые пришли к этому поэтапно, запрещая широкий, а затем и узкий паритет цен.

Условие о паритете цен характерно для любых других договоров, которые заключают владельцы агрегаторов и платформ электронной коммерции (например, сервисов доставки или маркетплейсов). Поэтому, вероятно, другие платформы электронной коммерции вынуждены последовать решению ФАС, подтвержденному решением суда, и пересмотреть условия своих соглашений с контрагентами.

Заключение

В ходе исследования наиболее значимых, на наш взгляд, судебных споров, которые были рассмотрены российскими судами в 2021 году, мы постарались продемонстрировать широту проблемных вопросов, стоящих перед правопорядком в связи с цифровизацией, а также их решения, которые вне зависимости от их удачности и соответствия нуждам профессиональных участников рынка, потребителей и государства определяют повестку развития цифрового права в нескольких направлениях.

Разумеется, существует множество иных, не менее интересных споров, судебных дел и правовых позиций, с которыми читатель, вероятно, хотел бы ознакомиться в ходе прочтения журнала «Цифровое право». Именно поэтому здесь мы предлагаем вам — нашей вдумчивой читательской аудитории — выступить авторами статьи, эссе или обзора, в которых будет изложен ваш взгляд по отдельным вопросам цифрового права, заложив крепкий доктринальный фундамент под дальнейшую эволюцию правового регулирования цифровой экономики в 2022 и последующих годах.

Журнал «Цифровое право» (Digital Law Journal) третий год является важной дискуссионной площадкой для обсуждения и разработки международных и национальных проблем цифрового права и экономики, местом сотрудничества и научной кооперации в одной из наиболее адаптируемых, новаторских и изменчивых областей знания. Журнал неизменно укрепляет позиции как издательский и научный проект.

Все это было бы невозможно без уже сложившейся читательской аудитории, стремящейся поделиться своими взглядами авторов, убежденных приверженцев идеалов науки и этики рецензентов, команды редакторов и поддержки издательства.

С огромной радостью мы представляем вашему вниманию первый номер третьего тома журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) и выражаем надежду на то, что в 2022 году нас ждет успех в освоении новых рубежей цифрового права и экономики!

³¹ Яремчук, А.В. (2022). Антиконтурные практики на цифровых рынках: опыт зарубежных стран. *Российское конкурентное право и экономика*. Специальный выпуск. С. 78–87. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2022-SpV-78-87>

Сведения об авторе:

Иноземцев М.И. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, главный редактор журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal), Москва, Россия.

inozemtsev@inno.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-1363>

Information about the author:

Maxim I. Inozemtsev — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, MGIMO-University, Editor-in-Chief, Digital Law Journal, Moscow, Russia.

inozemtsev@inno.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-1363>

ARTICLES

THE MODEL OF THE STATE DIGITAL PLATFORM ON LABOR CONTRACTS IN CHINA

Liu Dun¹, Geng Yuan^{2*}

¹China University of Labor Relations
45, Zengguang Rd., Haidian District Beijing, People's Republic of China,
100089

²Capital University of Economics and Business
121, Zhangjialukou, Huaxiang Fengtai District, Beijing, People's Republic
of China, 100070

Abstract

The digitalization of the economy provides additional opportunities for businesses to ensure their competitiveness, increase of the production of goods, works, services, and their export. However, in this case, risks and threats arise for other parameters of macroeconomic equilibrium, in particular, for the labor market. Thus, digitalization not only creates risks for jobs, as the replacement of human labor with capital within Industry 4.0 ensures the competitiveness of businesses but also forces workers to accept significantly worse working conditions. In 2021 in our study we noted the risks and threats to the labor market due to digitalization. In this article, we will describe possible solutions that can be implemented by state in the regulation of the labor market at the present stage of economic development and digitalization. The purpose of the article is to create an opportunity to establish a state digital platform on labor contracts as a basis for solving the following cases: compliance with the rules for drawing up labor contracts and fulfilling their conditions; compliance of online platforms with working hours; activation of the trade union movement, suppression of violations of the rights to meetings of trade unions on Internet platforms; establishment of the minimum wage and provision of guarantees for its payment to employees of Internet platforms; extension of the social security system to workers employed on Internet platforms (health, social and pension insurance, vacation pay). As a result, the research substantiates a necessity of creating the model of the state digital platform on labor contracts.

Keywords

labor contracts, Internet platforms, the state digital platform on labor contracts, labor relations in the Internet platforms, social security system in the Internet platforms, macroeconomic equilibrium, digitalization on labor market

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Financial disclosure

The study is sponsored by the National Social Science Foundation of China (grant number: 16CJL036).

For citation

Dun, L., & Yuan, G. (2022). The model of the state digital platform on labor contracts in China. *Digital Law Journal*, 3(1), 20–31. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-20-31>

* Corresponding author

Submitted: 11 Feb. 2022, accepted: 15 Mar. 2022, published: 31 Mar. 2022

СТАТЬИ

МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ТРУДОВЫХ ДОГОВОРОВ В КИТАЕ

Л. Дунь¹, Г. Юань^{2*}

¹Китайский университет трудовых отношений
100044, Китайская Народная Республика, Пекин,
район Хайдянь, Зенгуан, 3

²Столичный университет экономики и бизнеса
100070, Китайская Народная Республика, Пекин,
район Хуатсианг Фенгтай, Джангдзиалюкоу, 121

Аннотация

Цифровизация экономики обладает множеством позитивных черт, к примеру, предоставляет предприятиям дополнительные возможности в сфере конкуренции, оказывает влияние на увеличение производительности, а также расширение экспорта. Тем не менее этот процесс создает риски и угрозы для других элементов макроэкономического равновесия, в частности для рынка труда. Так, цифровизация сопряжена не только с увеличением безработицы из-за замены человеческого труда как фактора производства капиталом в рамках индустрии 4.0, но и с ухудшением правового положения работников, поскольку вынуждает последних соглашаться на значительно худшие условия. В исследовании 2021 года мы выявили риски и угрозы для рынка труда, связанные с цифровизацией. В данной статье также описываются возможные решения, которые могут быть приняты при государственном регулировании рынка труда на современном этапе развития экономики и цифровизации. Цель исследования заключается в обосновании необходимости разработки концепции государственной цифровой платформы по трудовым договорам как основы для решения следующих вопросов: соблюдение правил заключения трудовых договоров и выполнения их условий; соблюдения онлайн-платформами режима рабочего времени; содействие развитию профсоюзного движения; установление минимального размера оплаты труда и предоставление работникам онлайн-платформ социальных гарантий; распространение системы социального обеспечения на работников, занятых на интернет-платформах (медицинское, социальное и пенсионное страхование, отпускные). Результат исследования свидетельствует о необходимости разработки государственной цифровой платформы по трудовым договорам.

Ключевые слова

трудовые договоры, интернет-платформы, государственная цифровая платформа по трудовым договорам, трудовые отношения на интернет-платформах, система социального обеспечения на интернет-платформах, макроэкономическое равновесие, цифровизация рынка труда

Конфликт интересов	Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.
Финансирование	Исследование спонсируется Национальным фондом социальных наук Китая (номер гранта: 16CJL036).
Для цитирования	Дунь, Л., Юань, Г. (2022). Модель государственной цифровой платформы трудовых договоров в Китае. <i>Цифровое право</i> , 3(1), 20–31. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-20-31

* Автор, ответственный за переписку

Поступила: 11.02.2022, принята в печать: 15.03.2022, опубликована: 31.03.2022

Introduction

Macroeconomic equilibrium as a balance of production and consumption is ensured under the simultaneous fulfillment of four conditions:

1. Equality of actual output to potential output;
2. Equality of actual inflation to the expected level;
3. Equality of actual unemployment to its natural level;
4. The balance of payments is zero.

The fulfillment of all four conditions of the model, in reality, is difficult to achieve, therefore, a stable macroeconomic equilibrium is ensured by balancing these parameters. For example, if export significantly exceeds import and net export is a positive value that ensures economic growth, then there is a possibility that actual unemployment will exceed its natural level, or actual inflation will exceed the expected level. The quality of the state macroeconomic policy is reduced to ensuring a sustainable macroeconomic balance through rooted market institutions. Unstable macroeconomic equilibrium forces the state to intervene in economic processes and regulate the maintenance of equilibrium normatively.

Violation of macroeconomic equilibrium can take a form of a reduction in gross output, a growth of inflation and unemployment, or violations of the balance of payments.

Digitalization and industry 4.0 have created the prerequisites for replacing human labor with capital through the robotization of the production process. It turned out that living labor in the volumes that are represented in the labor market is simply not needed since capital successfully replaces labor (Osipov, Liu, & Geng, 2020). Nevertheless, digital platforms show steady demand for labor, as it is not possible to robotize the process of programming and supporting digital services. Our survey of 1.338 respondents across 25 internet platforms yielded the following disturbing data.

Table 1*Indicators of Decent Work for Digital Platform Workers*

	Indicator	% of respondents
1	Lack of a mechanism for effective resolution of labor disputes due to the weak development of the trade union	79,2
2	Salary below living wage	33,3
3	Wages below the minimum wage	7,6
4	Not full-time employment contract	75,0
5	The working day lasts more than 11 hours	10,0
6	Lack of guarantees for the provision of medical services due to temporary disability	34,4

Note. Created by authors on the basis of Xu & Liu (2021).

Our study revealed that Internet platforms systematically and massively violate the labor rights of their employees, who are forced to work there due to the lack of other employment options. In China, around 10 million new workers enter the labor market every year. The State has taken a variety of measure to promote employment, including public work programs, tax credits for medium and small enterprises, stimulation of entrepreneurial activity, and support for flexible employment arrangements. However, not everyone found a solution to the problem of finding a formal job, especially given the increasing downward pressure on economic growth and the acute shock prosed by COVID-19 crisis. Under such circumstance, the online platforms act as the vast reservoir for surplus labor, which predictably led to deterioration in employment quality of massive lower-skilled workers, – from wage cuts to worsening working conditions and a social protection. Such opportunistic behavior of Internet platforms in China is quite understandable from the standpoint of the market, but not acceptable from the standpoint of ethics and morality. The social responsibility of business should not be an empty phrase.

If the working conditions of Internet platform employees in European countries and the United States turn out to be no worse than in other sectors of the economy, then the problem is not in industry specifics, but in the opportunistic behavior of the surveyed Internet platforms in Beijing. If it turns out that opportunistic behavior is acceptable and accepted as a strategy, then an unstable partial macroeconomic equilibrium has formed. It follows that state regulation of the labor market in this sector of the economy is required.

Methodology

The article continues our research carried out under a grant from the National Social Science Foundation of China (grant number: 16CJL036) and presented in Xu & Liu (2021). We conducted

a survey of 1338 respondents, employees of 25 Internet platforms in Beijing. The data of this survey turned out to be so important that based on them we decided to propose mechanisms for state regulation of an unstable partial macroeconomic equilibrium in the labor market in the sector of digital technologies and Internet platforms. The study used the achievements of macroeconomic theory, the theory of macroeconomic equilibrium (Acemoglu, 2009; Lucas, 2002), the theory of equilibrium unemployment (Pissarides, 2000). The institutional analysis and the theory of opportunistic behavior are of great importance for the study.

Opportunistic behavior is a type of unscrupulous behavior of an economic actor, aimed at obtaining unilateral benefits to the detriment of a partner. Among the various types of opportunistic behavior, we will be interested in moral hazard. Moral hazard is a form of post-contract opportunism, where it is difficult to control the performance of actions within the framework of contractual obligations, which creates a deliberately disadvantageous position for one of the parties to the contract. The other side of the contract thus receives the maximization of its profit to the detriment of the well-being of the first party.

This type of opportunistic behavior arises within the framework of the performance of the contract and manifests itself in the fact that one of the parties, using the asymmetry of information, market power, abuses its market power, behaves in bad faith, and violates preliminary agreements. (Williamson, 1975, 1985; Furubotn & Richter, 2000).

The problem of replacing the labor factor with the capital factor was considered in the works of Aloisi (2016), Cherry (2016), Dieuaide & Azais (2020), Menegatti (2018), Osipov (2019), Osipov et al. (2021), and Sundararajan (2016).

Social protection of labor was in the focus of research of Chen et al. (2020), Fabo et al. (2017), Graham et al. (2017), Kässi & Lehdonvirta (2018), Li et al. (2021), Liu et al. (2020), Muntaner (2018), Pulkka (2017), Scholz (2017), Todolí-Signes (2017), Webster et al. (2015), Yankovskaya et al. (2021), Zysman & Kenney (2017).

The issues of digitalization of the economy and the risks arising from this are considered in the following works: Gutbrod (2020), Inozemtsev (2020), Schmidt (2017), Sidorenko and von Arx (2020).

Results

The Ministry of Human Resources and Social Security (MHRSS) of the People's Republic of China is the ministry under the State Council that oversees national labor market policy and is also responsible for social security. The responsibilities of MHRSS includes the management of the labor force, the regulation of labor relations, social insurance, and the management of the legal aspects of labor relations.

Facing the decent work deficits experienced by vast online platform workers, in July 2021, MHRSS in collaboration with other 7 ministries issued the *Directive on Protecting labor rights of the New Forms of Employment*, covering principles of labor rights protection related to compensation, health and safety, working hours, social security, dispute settlements, and collective negotiation. In our opinion, in order to implement the directives proposed by MHRSS, and hence to overcome the unstable macroeconomic balance in the labor market brought by information technology and internet platforms, the state policy should be directed on the following five interrelated areas:

- Compliance with the rules for drawing up labor contracts and fulfilling their conditions,
- Compliance of the Internet platforms with working hours,

- Activation of the trade union movement, suppression of violations of the rights to meetings of trade unions in Internet platforms,
- Establishment of the minimum wage and provision of guarantees for its payment to employees of Internet platforms,
- Extension of the social security system to workers employed on Internet platforms (health, social and pension insurance, vacation pay).

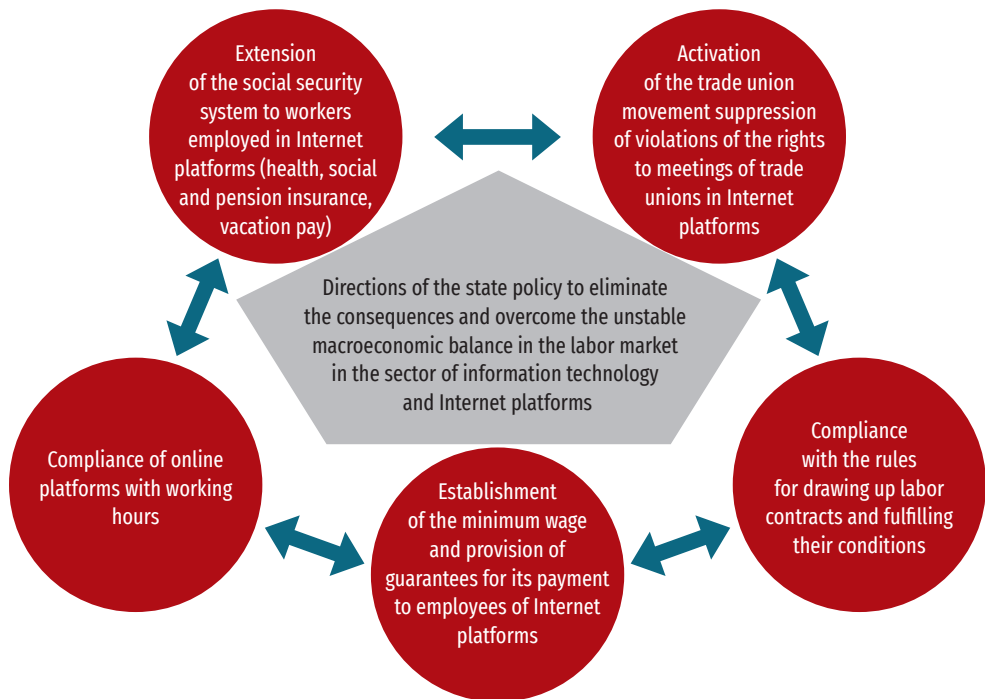
We propose a state digital platform on labor contracts as an integrated solution for the state policy implementation. The following Figure 1 “The Model of the State Digital Platform on Labor Contracts” demonstrates the principal model and philosophy of directions of state policy in the labor market.

1. Compliance with the Rules for Drawing up Labor Contracts and Fulfilling their Conditions

The opportunistic behavior of some Internet platforms towards their employees is expressed in the fact that the employee is a weak side in labor relations, that is, the Internet platform as an employer has great market power and, accordingly, has the power to force the employee to

Figure 1

The Model of the State Digital Platform on Labor Contracts

The state digital platform on labor contracts

Note. Created by authors.

perform obviously unprofitable for his working conditions. The worker, realizing that there are few jobs and high unemployment, is forced to make concessions to the employer. The first violation is the absence of a concluded labor contract, which immediately puts the employee in a dependent position. The lack of legal grounds for putting forward requirements for wages or working hours removes a lot of problems for the employer, since there is no contract, which means there is no way to prove one's case.

For example, on January 24, 2020, MHRSS of the People's Republic of China adopted special regulation of labor relations in connection with the introduction of quarantine due to a new coronavirus infection. The decision included a ban on termination of employment contracts, an obligation for employers to keep jobs, and a suspension of the statute of limitations for labor disputes. A correct and socially oriented solution might not have been implemented if we take into account the absence of an employment contract. In accordance with Art. 10 of the Law of the People's Republic of China "On an employment contract", the very fact of admitting an employee to work is a confirmation of the conclusion of an employment contract, but the employer is still obliged to conclude an agreement in writing. An employment contract with an employee after one year from the day on which the employee actually started work is considered unlimited following the requirements of Art. 14 of the Law of the People's Republic of China "On Employment Contracts". However, an employee, due to high unemployment threats and weak bargaining power, rarely makes such a demand since this will put himself (or herself) in conflict with the employer. Here, obviously, the protection of the labor rights of a citizen by the state is needed. An employee should not be expected to report a violation of his rights, as he will not want to conflict with his employer, therefore, other ways are needed to change the employer's opportunistic behavior. We believe that the state digital platform for registering employment contracts could help solve the problem of the employer's refusal to conclude a written employment contract. The employee may be required to register his employment relationship with the employer, and the employer is required to confirm such a record with his electronic digital signature. It solves both the problem of the gray or shadow labor market and the problem of collecting personal income tax, as well as increasing business transparency and protecting the labor rights of workers. Recently, some cities in China have initiated pilots of electronic labor contracts, which could be extended to cover the digital platform workers, as the first step to establish a state digital platform on labor contracts.

2. Compliance of Online Platforms with Working Hours

Under Art. 3 of the Regulations of the State Council of the People's Republic of China on the Working Time of Employees, the working hours in China are 8 hours a day and no more than 40 hours a week. The absence of an employment contract, as well as the persistent requests of the employer to increase the length of the working day beyond 8 hours, cannot be rejected by the employee if he does not want to lose his job. The reasons for the opportunistic behavior of the employer here are the same as in the previous position. The solution is laid down in the same Art. 3 of the Regulations of the State Council of the People's Republic of China "On the working hours of employees", which states that the duration of working hours can be increased with the consent of the trade union and the workers themselves by one hour a day. Such processing is paid at a rate of one and a half, for work on weekends — at a double rate, and on holidays — at a triple rate. Here the solution lies in the quality of the work of the trade union, because without its consent, the length of working hours cannot be increased. Hence, there is an obvious need for the development of trade unions at Internet platforms.

3. Activation of the Trade Union Movement, Suppression of Violations of the Rights to Meetings of Trade Unions at Internet Platforms

Since the creation of trade unions is the right of employees, but not an obligation, the absence of a trade union in the Internet platform may be the initiative of the employer. Her strong position in labor relations, as well as unemployment in the market, creates a subordinate status of the employee. These circumstances provide the basis for state intervention. The state digital platform for the registration of labor contracts may provide the option of the employee's consent or refusal to join a trade union. If for a given employer, for example, more than 10 % of the workers vote for the creation of a trade union, then it will be created automatically with the notification of the employer that the trade union body has been created at his enterprise.

4. Establishing a Minimum Wage and Ensuring Guarantees of its Payment to Employees of Internet Platforms

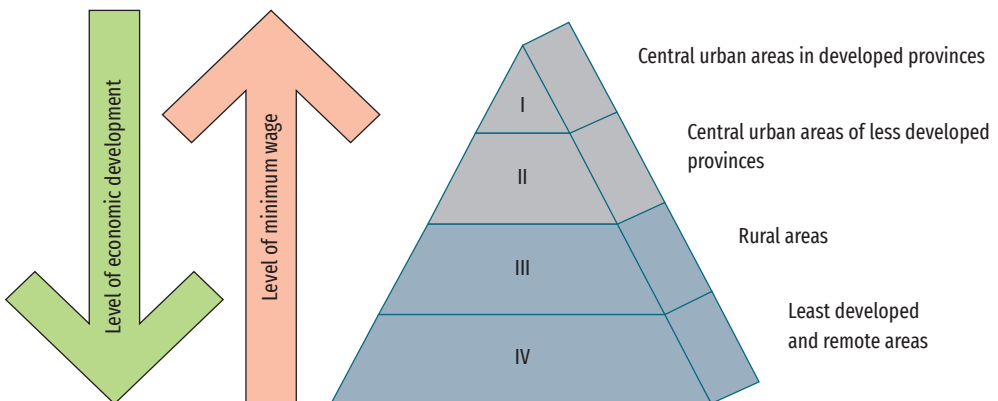
There is a different level of economic development across the regions of China. It was also reflected in the minimum wage, which is set in each region separately by Art. 48 of the Law of the People's Republic of China "On Labor". The government of each region, based on economic conditions, independently determines the minimum wage in the province for each of the categories into which the administrative-territorial units of the county level (counties, autonomous counties, city districts, etc.) are distributed. In total, four levels of economic development of the territories are defined (Figure 2):

- I. Central urban areas in developed provinces.
- II. Central urban areas of less developed provinces.
- III. Rural areas.
- IV. Least developed and remote areas.

Internet platforms are usually located in the economically developed territories of the first level, and, consequently, the minimum wage is the highest here. This gives rise to the opportunistic behavior of the employer and provokes the desire to save the cost of both wages and social contributions per

Figure 2

The Model of Minimum Wage in the Provinces of China

Note. Created by authors.

employee. Here it would be possible to use the previously proposed state digital platform for employment contracts, where you can enter a classifier of the territory of registration of the Internet platform and automatically determine the minimum wage with the notification of the employer.

5. Extension of the Social Security System to Workers Employed in Internet Platforms (Health, Social and Pension Insurance, Vacation Pay)

This direction is also closely related to the fact of concluding an employment contract since it posed the possibility and obligation of the employee's social insurance. There is a Social Insurance Law in China that requires employers to pay contributions for basic pension insurance, basic health insurance, work injury insurance, unemployment insurance, and maternity insurance (maternity insurance). It is important to note that basic pension, health, and unemployment insurance are paid jointly by the employer and the employee, though work injury and maternity insurance premiums are paid only by the employer. The joint payment of contributions creates co-dependency between the employee and the employer. If one side pays the contributions, the other will have to do the same. The absence of an employment contract removes the problem of paying contributions for the employer, which corresponds to his opportunistic behavior. The state digital platform for registering employment contracts may contain the option of automatic payment of contributions by the employee from his bank account, which will automatically entail the obligation of the employer to pay his part of the contributions

Discussions

The state digital platform on labor contracts forms a new model of labor relations between participants based on digital technologies. In comparison with the traditional system of labor relations regulation, it removes barriers to the realization of the workers' rights to the minimum wage, strengthening the discipline of labor contracts, social guarantees, and guarantees of trade union protection of their rights. It is important to note that the proposed state digital platform for registering employment contracts, unlike other digital platforms, does not obey Schumpeter's law of innovative destruction, since labor relations in this part are not destroyed but rather strengthened by improving control over the employer and pushing the employee to the indirect protection of their rights through mandatory actions to enter information into the database of the state digital platform for registering employment contracts. Thus, the proposed digital platform does not destroy labor relations but prevents their destruction due to the opportunistic behavior of the employer. However, crucially, the possibilities of control by the state in the current system of labor relations are extremely difficult both due to the number of employees and the number of employers.

The trend of modern labor relations between the employee and the employer is that the employee can be hired by an Internet platform on an hourly basis according to the piecework system, which removes the problem of additional social obligations of the employer to the employee. This situation leads to a very high economic efficiency of an Internet platform as a business, since social obligations here do not reduce profitability compared to the real sector of the economy. However, it is this fact that becomes the basis for the opportunistic behavior of the employer, which affects the employee most negatively. The owners of Internet platforms in defense declare that they provide work to freelancers on the terms of project management, in fact, using labor on the terms of the sharing economy.

It is important to note that the state can also use Internet platforms or digital services to improve the efficiency of public administration by providing public services in a new format, more convenient,

transparent and faster. Here, the simultaneous reduction of public spending on the inefficient execution of public services using outdated technologies is accompanied by both an increase in the quality of public services and a reduction in public administration costs. At the same time, the reduction in public spending is not accompanied by a reduction in the social obligations of the state, which means that the way to increase the efficiency of public spending is the only possible one. On the other hand, the massive violations of the rights of Internet platform workers, which we identified in the survey, indicate the need to introduce new, more modern mechanisms for rooting labor law institutions in the interests of the whole society. This is the most important task of public administration, which the state digital registration platform can handle labor contracts. Such a platform can become a prototype of the transition to a digital state or a “Lean Government” (L-Government), when more public services are provided for less money. State digital platforms in this model play the role of a space for interaction between economic actors, where the state acts as a coordinator and arbiter. A practical technical solution at hand is to connect the major online labor platforms with the state platform using middleware to ensure data transparency and data exchanges. In the foreseeable future, by application of blockchain technology, an integrated platform hosted by the state could be established to ensure real-time data sharing, tracing, and automatic compliance with codes of regulation empowered by smart contract techniques.

It is important to note that the state digital platform for the registration of labor contracts acts as a labor market infrastructure that facilitates the establishment of civilized economic relations regarding the main factor of production, that is labor. The data that will be accumulated in the state digital platform on labor contracts will become big data as it accumulates. It will be possible to make government decisions to further improve labor relations and the labor market as a whole. The functioning of the state digital platform on labor contracts will require new competencies and abilities from civil servants and MHRSS of China as the main labor market management body, the transition to new thinking and labor market management tools in the Internet platform sector. In the future, upon receipt of evidence of the effectiveness of the state digital platform on labor contracts, its experience can be expanded to all sectors of Chinese economy. Internet platforms will contribute to a more efficient and rational use of labor and artificial intelligence in the interests of society, as well as develop government decision-making process based on big data.

Conclusions

The digital platform for registering labor contracts is a database of concluded labor contracts, indicating the territorial minimum wage following the level of socio-economic development of this territory, the possibility of voting on the creation of a trade union, and the payment of social contributions by the employee. Such functions will reduce the possibility of employers' opportunistic behavior in Internet platforms and will root the institutions of labor law in this sector of the economy.

It should be noted that the opportunistic behavior of the employer is also an ingrained institution, the habituation that happened very quickly and steadily. It is improbable that opportunistic behavior can be quickly eliminated. It takes time, the persistence of the state, perhaps even the application of economic sanctions to violators, and strict control over the implementation of regulatory requirements. Gradually, opportunistic behavior will come out of the practice of application in labor relations, which will entail both the observance of the rights of workers and the tax discipline of employers, which means it will contribute to the development of justice in society and the growth of the welfare of the population.

References

1. Acemoglu, D. (2009). *Introduction to modern economic growth*. Princeton University Press.
2. Aloisi, A. (2016). Commoditized workers. Case study research on labour Law issues arising from a set of 'on-demand/gig economy' platforms. *Comparative Labor Law & Policy Journal*, 37(3), 653–687.
3. Chen, B., Liu, T., Guo, L., & Xie, Z. (2020). The disembedded digital economy: Social protection for new economy employment in China. *Social Policy and Administration*, 54(7), 1246–1260. <https://doi.org/10.1111/spol.12603>
4. Cherry, M. A. (2016). Beyond misclassification: The digital transformation of work. *Comparative Labor Law & Policy Journal*, 37(3), 544–577. <https://scholarship.law.slu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=faculty>
5. Dieuaide, P., & Azaïs, C. (2020). Platforms of work, labour, and employment relationship: The grey zones of a digital governance. *Frontiers in Sociology*, 5, 2. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.00002>
6. Fabo, B., Karanovic, J., & Dukova, K. (2017). In search of an adequate European policy response to the platform economy. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23(2), 163–175. <http://doi.org/10.1177/1024258916688861>
7. Furubotn, E. G., & Richter R. (2000). *Institutions and economic theory. The contribution of the new institutional economics*. The University of Michigan Press. <http://doi.org/10.3998/mpub.6715>
8. Graham, M., Hjorth, I., & Lehdonvirta, V. (2017). Digital labour and development: Impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23(2), 135–162. <http://doi.org/10.1177/1024258916687250>
9. Gutbrod, M. (2020). Digital transformation in economy and law. *Digital Law Journal*, 1(1), 12–23. <https://doi.org/10.38044/DLJ-2020-1-1-12-23>
10. Inozemtsev, M. I. (2020). Digital law journal: Introduction. *Digital Law Journal*, 1(1), 8–11. <https://doi.org/10.38044/DLJ-2020-1-1-8-11>
11. Kässä, O., & Lehdonvirta, V. (2018). Online labour index: Measuring the online gig economy for policy and research. *Technological Forecasting and Social Change*, 137, 241–248. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.056>
12. Li, B., Fisher, K.R., Farrant, F.Q., & Cheng, Z. (2021). Digital policy to disability employment? An ecosystem perspective on China and Australia. *Social Policy and Administration*, 55(5), 863–878. <https://doi.org/10.1111/spol.12666>
13. Liu, D., Geng, Y., & Yuan, L.-Q. (2020). The age of digitalization: Tendencies of the labor market. *Digital Law Journal*, 1(3), 14–20. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-3-14-20>
14. Lucas, R. E. Jr. (2002). *Lectures on economic growth*. Harvard University Press.
15. Menegatti, E. (2018). A fair wage for workers on-demand via app. In E. Ales, Y. Curzi, T. Fabbri, O. Rymkevich, I. Senatori, & G. Solinas (Eds.), *Working in Digital and Smart Organizations*. Palgrave Macmillan.
16. Muntaner, C. (2018). Digital platforms, gig economy, precarious employment, and the invisible hand of social class. *International Journal of Health Services*, 48(4), 597–600.
17. Osipov, V., Yuan, L., Liu, D., & Geng, Y. (2021). Digitalization as objective factor of the substitution of the labor by the capital. In I. Stepnov (Ed.), *Technology and business strategy: Digital uncertainty and digital solutions* (pp.165–176). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-63974-7_12
18. Osipov, V. S. (2019). The rise of unemployment in the cyber economy. In V. Filippov, A. Chursin, J. Ragu-lina, & E. Popkova *The Cyber Economy. Contributions to Economics* (pp. 105–116). Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-31566-5_11
19. Pissarides, Ch. A. (2000). *Equilibrium unemployment theory*. MIT Press.

20. Pulkka, V.-V. (2017). A free lunch with robots — Can a basic income stabilise the digital economy? *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23(3), 295–311. <https://doi.org/10.1177/1024258917708704>
21. Schmidt, F. A. (2017). *Crowd design: From tools for empowerment to platform capitalism*. Birkhäuser.
22. Scholz, T. (2017). *Overworked and underpaid: How workers are disrupting the digital economy*. Polity Press.
23. Sidorenko E. L., & von Arx P. (2020). Transformation of law in the context of digitalization: Defining the correct priorities. *Digital Law Journal*, 1(1), 24–38. <https://doi.org/10.38044/DLJ-2020-1-1-24-38>
24. Sundararajan, A. (2016). *The Sharing economy. The end of employment and the rise of crowd-based capitalism*. MIT Press.
25. Todolí-Signes, A. (2017). The 'gig economy': Employee, self-employed or the need for a special employment regulation? *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23(2), 193–205. <https://doi.org/10.1177/1024258917701381>
26. Webster, E., Budlender, D., & Orkin, M. (2015). Developing a diagnostic tool and policy instrument for the realization of decent work. *International Labour Review*, 154(2), 123–145. <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2015.00017.x>
27. Williamson, O. E. (1975). *Markets and hierarchies: A study in the economics of internal organization*. The Free Press.
28. Williamson, O. E. (1985). *The economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting*. The Free Press.
29. Xu, Y., & Liu, D. (2021). Decent work for the digital platform workers. A preliminary survey in Beijing. *Digital Law Journal*, 2(1), 48–63.
30. Yankovskaya, V. V., Osipov, V. S., Zeldner, A. G., Panova, T. V., & Mishchenko, V. V. (2021). Institutional matrix of social management in region's economy: stability and sustainability vs innovations and digitalization. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 41(1-2), 178–191. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-03-2020-0088>
31. Zysman, J., & Kenney, M. (2017). Intelligent tools and digital platforms: Implications for work and employment. *Intereconomics*, 52(6), 329–334. <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0699-y>

Information about the authors:

Liu Dun — Dr. Sci. in Economics, Lecturer, School of Economics and Management, Beijing Jiaotong University, Beijing, People's Republic of China.

liudun@bjtu.edu.cn

Geng Yuan* — Dr. Sci. in Economics, Postdoc in Applied Economics, School of Labor Economics, Capital University of Economics and Business, Beijing, People's Republic of China.

gengyuan121@163.com

Сведения об авторах:

Дунь Л. — доктор экономических наук, преподаватель Школы экономики и менеджмента Пекинского университета Цзяотун, Пекин, Китайская Народная Республика.

liudun@bjtu.edu.cn

Юань Г.* — доктор экономических наук, научный сотрудник в области прикладной экономики Школы экономики труда Столичного университета экономики и бизнеса, Пекин, Китайская Народная Республика.

gengyuan121@163.com

СТАТЬИ

ПРАВОВЫЕ ТРИГГЕРЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЩЕНИЯ С РАО И ОЯТ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Л.М. Энтин¹, Ю.В. Лебедева^{1,2*}

¹Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

²Министерство иностранных дел Российской Федерации
119200, Россия, Москва, пл. Смоленская-Сенная, 32/34

Аннотация

В статье рассматривается влияние цифровизации на обращение с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом в ЕС. Целью исследования является изучение правовых механизмов, запускающих новые цифровые технологии с целью улучшения учета количества радиоактивных отходов и контроля их обращения. Для достижения целей исследования были использованы следующие методы научного познания: логический, системно-структурный и сравнительно-правовой анализ. Процесс применения цифровых технологий на территории ЕС был запущен принятием новых правовых документов ЕС (Цифровая стратегия ЕК 2018 г. и Формирование цифрового будущего Европы 2020 г.). Проанализировав правовые акты ЕС, авторы пришли к выводу, что основными принципами цифровизации ЕК являются безопасность, конфиденциальность, открытость, транспарентность и единовременность. Евратом успешно применяет на практике цифровые технологии в 3D-моделировании и симуляции на этапах планирования демонтажа ядерных объектов, а ЕК — в сборе и контроле данных по обращению с РАО и ОЯТ в странах-членах ЕС. В завершение делается вывод о том, что в праве ЕС еще не принят правовой акт, регламентирующий применение цифровизации и искусственного интеллекта в сфере обращения с РАО и ОЯТ. Однако ЕС уже обладает определенным опытом, который позволит в будущем принять новый правовой акт ЕС, который обобщит всю практику ЕК, Евратома и стран-членов ЕС для регламентации цифровизации в обращении с ядерными отходами на территории ЕС.

Ключевые слова

обращение с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования

Энтин, Л. М., Лебедева, Ю. В. (2022). Правовые триггеры цифровизации обращения с РАО и ОЯТ на территории Европейского союза. *Цифровое право*, 3(1), 32–43. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-32-43>

* Автор, ответственный за переписку

Поступила: 31.01.2022, принята в печать: 22.02.2022, опубликована: 31.03.2022

ARTICLES

LEGAL TRIGGERS FOR DIGITALIZATION OF RADIOACTIVE WASTE AND SPENT FUEL MANAGEMENT WITHIN THE EUROPEAN UNION

Lev M. Entin¹, Yulia V. Lebedeva^{1,2,*}

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

²Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, pl. Smolenskaya-Sennaya, Moscow, Russia, 119200

Abstract

The article examines the impact of digitalization on radioactive waste and spent fuel management in the EU. The purpose of the research is the legal mechanisms that launch new digital technologies to improve radioactive waste accounting and control over its management. To set the goals of the research, such methods of scientific knowledge as logical, system-structural and comparative legal analysis were used. New EU legal documents (EC Digital Strategy 2018 and Shaping Digital Future of Europe 2020) have triggered process digitalization in the EU. According to analysis the EU legal acts, the authors came to the conclusion that the EU Commission principles of digitalization are security, confidentiality, openness, transparency and simultaneity. EURATOM successfully applies digital 3D technology and simulation for dismantling planning of nuclear facilities. In turn, the European Commission uses digitalization applies to data collection and radioactive waste and spent fuel management in the EU Member States. In conclusion, it is determined that the EU has not yet adopted artificial intelligence act for radioactive waste and spent fuel management. However, the EU already has some experience. In the future the EU can adopt a new legal act that will summarize all the practice of the EC, EURATOM and EU Member States to regulate of digitalization in the EU radioactive waste management.

Keywords

radioactive waste and spent nuclear fuel management

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Financial disclosure

The study had no sponsorship.

For citation

Entin, L. M., & Lebedeva, Y. V. (2022). Legal triggers for digitalization of radioactive waste and spent fuel management within the European Union. *Digital Law Journal*, 3(1), 32–43. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-32-43>

* Corresponding author

Submitted: 31 Jan. 2022, accepted: 22 Feb. 2022, published: 31 Mar. 2022

Введение

За последние десять лет начали стремительно происходить изменения, даже можно сказать, «кардинальная трансформация» во многих сферах деятельности человека (Entin et al., 2021). Это связано с широким внедрением новых технологий в повседневную жизнь человека, в системы государственного управления и экономику, в том числе и в атомную промышленность. Поэтому цифровая трансформация управления в государственных структурах и экономических отраслях стала одним из европейских приоритетов. В частности, Европейский парламент проводит политику, которая укрепляет потенциал Европы в области цифровых технологий, открывает новые возможности для бизнеса и потребителей, поддерживает переход ЕС от постепенного уменьшения «углеродного следа» к полной декарбонизации экономики, что поможет достичь «климатической нейтральности Европы» к 2050 г., разовьет цифровые навыки государственных служащих и населения, а также обеспечит обучение людей в этой области^{1,2,3}.

Практически ЕС с 2021 г. начал закладывать формирование своего цифрового будущего. В настоящее время Европейская комиссия (ЕК) решает проблемы, связанные с цифровым переходом, особенно для того, чтобы воспользоваться возможностями формирующегося единого цифрового рынка и улучшить использование искусственного интеллекта (ИИ). При этом ЕС рассматривает цифровую трансформацию как интеграцию европейских компаний с цифровыми технологиями в единый цифровой рынок и их влияние на общество^{4,5,6,7,8}. В первую очередь это цифровые платформы, Интернет вещей, облачные вычисления и ИИ, которые начинают активно влиять на большинство секторов экономики, в том числе и на атомную промышленность. Новые технологии могут помочь оптимизировать производство, сократить выбросы и отходы вредных веществ, повысить конкурентные преимущества компаний и предоставить потребителям новые услуги и продукты. Цифровизация совершенствует формы контроля и учета, в том числе в области обращения с радиоактивными отходами (РАО) и отработавшим

¹ Gullo, K. (2021, September 28). *Cross border police surveillance treaty must have clear, enforceable privacy safeguards, not a patchwork of weak provisions*. EFF.org. <https://www.eff.org/deeplinks/2021/09/cross-border-police-surveillance-treaty-must-have-clear-enforceable-privacy>

² Schmon, C. (2021, December 14). *Digital Services Act: EU Parliament's key committee rejects a filternet but concerns remain*. EFF.org. <https://www.eff.org/deeplinks/2021/12/digital-services-act-eu-parliaments-key-committee-avoids-filternet-made-europe>

³ Schmon, C. (2021, November 10). *European Parliament's plans of a Digital Services Act threaten Internet freedoms*. EFF.org. <https://www.eff.org/deeplinks/2021/11/european-parliaments-plans-digital-services-act-threaten-internet-freedoms>

⁴ Doctorow, C. (2021, June 11). *The GDPR, privacy and monopoly*. EFF.org. <https://www.eff.org/deeplinks/2021/06/gdpr-privacy-and-monopoly>

⁵ Doctorow, C., & Schmon, C. (2020, December 26). *EU and the Digital Services Act: 2020 year in review*. EFF.org. <https://www.eff.org/deeplinks/2020/12/eu-and-digital-services-act-year-review>

⁶ Doctorow, C., & Schmon, C. (2020, December 15). *The EU's Digital Markets Act: There is a lot to like, but room for improvement*. EFF.org. <https://www.eff.org/deeplinks/2020/12/eus-digital-markets-act-there-lot-room-improvement>

⁷ Gullo, 2021.

⁸ Schmon, C. (2021, November 23). *EU Parliament takes first step towards a fair and interoperable market*. EFF.org. <https://www.eff.org/deeplinks/2021/11/eu-parliament-takes-first-step-towards-fair-and-interoperable-market>

ядерным топливом (ОЯТ), обеспечивая безопасность и полную прозрачность, а также улучшая логистику перевозок опасных грузов, таких как РАО и ОЯТ по территории ЕС.

Европейские страны уже пришли к пониманию, что цифровые технологии играют глобальную роль в мире, формируя цифровую экономику, управление и информационное общество. Кризис, вызванный COVID-19, подтолкнул к поиску нестандартных решений, которые могли бы пересмотреть способы управления в государственных структурах и юридических лицах. Такими решениями стали цифровые решения, которые открывают большие возможности для экономического восстановления и конкурентоспособности ЕС в мировой экономике. План ЕС по восстановлению европейской экономики после пандемии⁹ требует, чтобы страны-члены ЕС выделяли не менее 22 % из 723,8 млрд евро «Фонда восстановления и повышения устойчивости» для цифрового перехода¹⁰. Такие инвестиционные программы, как «Horizon Europe» (2021–2027 гг.) с бюджетом 95,5 млрд евро¹¹, и «Connecting Europe Facility – Digital» (2021–2027 гг.) с бюджетом 2,065 млрд евро¹², ориентированные на исследования и инновации, в том числе и на развитие цифровых технологий. В апреле 2021 г. Европарламент принял программу «Digital Europe Programme» (2021–2027 гг.), которая является первым финансовым инструментом ЕС, ориентированным специально на инвестирование в цифровую инфраструктуру, чтобы стратегические технологии могли помочь повысить конкурентоспособность Европы и осуществить «европейский зеленый курс». Программа «Digital Europe Programme» инвестирует 7,5 млрд евро¹³ в пять областей: суперкомпьютеры (2,2 млрд евро), искусственный интеллект (2,1 млрд евро), кибербезопасность (1,6 млрд евро), передовые цифровые навыки (580 млн евро) и обеспечение широкого использования цифровых технологий в разных странах, экономика и общество (1,1 млрд евро)¹⁴.

Цифровое право ЕС стало относительно новой отраслью права ЕС и сформировалось как академическая дисциплина, написаны ряд учебников «Цифровое право ЕС» (Schulze & Staudenmayer, 2020; Synodinou et al., 2020; De Franceschi & Schulze, 2019), которые отразили европейские подходы к тем новым общественным отношениям, сложившимся в обществе за последние десять лет. И хотя они носят «гибридный характер» (Inozemtsev, 2021), цифровое право уже прочно и гармонично вошло в систему права ЕС. В настоящее время в ЕС ведется активно работа над новым законодательством о цифровых услугах, направленным на повышение конкурентоспособности, инноваций и роста, одновременно повышая онлайн-безопасность и борясь с незаконным контентом. Среди мер по обеспечению безопасности в Интернете 29 апреля 2021 г. Европарламент принял новый Регламент ЕС 2021/784 по борьбе с распространением терроризма онлайн-контента¹⁵. В 2022 г.

⁹ European Commission. (n.d.). *Recovery plan for Europe*. https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en

¹⁰ European Commission. (n.d.). *The recovery and resilience facility*. https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/recovery-coronavirus/recovery-and-resilience-facility_en#the-recovery-and-resilience-facility

¹¹ European Commission. (n.d.). *Horizon Europe*. https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en

¹² European Commission. (n.d.). *Connecting Europe Facility – Digital*. https://hadea.ec.europa.eu/programmes/connecting-europe-facility_en

¹³ European Commission. (n.d.). *The Digital Europe Programme (DIGITAL)*. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme>

¹⁴ European Commission. (n.d.). *The Digital Europe Programme (DIGITAL)*. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme>

¹⁵ Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/784/oj>

рассматривается правовой аспект «переформатирования» Европейского агентства сетевой и информационной безопасности (ENISA) в новый Европейский центр кибербезопасности (<https://www.enisa.europa.eu/>). В 2022 г. также планируется принять ориентированное на человека законодательство об ИИ, нацеленное на создание правовой основы, которое сможет внедрять этические стандарты, поддерживать рабочие места, способствовать созданию конкурентоспособного ИИ, созданного в Европе, что окажет влияние на формирование мировых стандартов в этой сфере.

Со своей стороны, страны-члены ЕС также осознали необходимость обновления своих цифровых стратегий в области экономики и государственного управления, в том числе и атомной промышленностью, чтобы воспользоваться возможностями, открываемыми цифровыми технологиями. Это подтвердил Таллиннский саммит стран-членов ЕС 2017 г., который был ангажирован прессой как «начало киберреволюции в ЕС»¹⁶. Итогом дальнейшего развития его положений (завершение создания единого цифрового рынка, важность госсектора, новые инновационные цифровые решения и задачи в области информационных технологий для ЕК) стало принятие новых правовых документов ЕС — Цифровая стратегия ЕК 2018 г.¹⁷ и Формирование цифрового будущего Европы 2020 г.¹⁸

Роль цифровизации ЕК для обращения с РАО и ОЯТ в ЕС

ЕК является центральным звеном в системе интеграционных институтов, поскольку она не только контролирует выполнение правовых актов странами-членами ЕС как в рамках Сообщества, так и на их национальных территориях, но также обладает «исключительным правом инициативы в законодательном процессе, правом контроля и правом наложения санкций» (Shemyatenkov, 2003; Entin, 2019).

Поэтому цифровизация ЕК наиболее важна для понимания нового видения административного управления с четкими принципами, лежащими в основе разработки цифровых решений для поддержки эффективного и согласованного использования данных ЕК в соответствии с положениями об их защите. Цифровая стратегия ЕК определила действия по созданию «цифровой Еврокомиссии», и фундаментальную роль надежной экосистемы данных. В результате была создана ЕК, которая наилучшим образом использует цифровые технологии для плодотворной работы со странами-членами ЕС и которая соответствует целям современного глобального цифрового информационного пространства.

Принятие Цифровой стратегии ЕК значительно повлияло на качество регулирования обращения с РАО и ОЯТ, так как ЕК осуществляет контроль деятельности стран-членов ЕС в области обращения с РАО и ОЯТ (Södersten, 2018; Tromans, 2010). Принимая во внимание опасность для окружающей среды и человека РАО и ОЯТ, специфику их обращения, а также необходимость контроля этого процесса со стороны наднационального органа в ЕС, была принята Директива

¹⁶ Карель, Н. (2017, сентябрь 29). *Саммит в Таллине стал началом киберреволюции в ЕС*. RFI.fr. <https://www.rfi.fr/ru/europa/20170929-sammit-v-tallinne-stal-nachalom-kiberrevolyutsii-v-es-0>

¹⁷ European Commission. (2018, November 21). *European Commission digital strategy A digitally transformed, user-focused and data-driven Commission*. Communication to the Commission. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/strategy/decision-making_process/documents/ec_digitalstrategy_en.pdf

¹⁸ European Commission. (2020, February 19). *Shaping Europe's digital future*. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_3.pdf

Совета 2011/70/Евратом,¹⁹ в которой был детально прописан механизм контроля ЕК обращения с РАО и ОЯТ.

Согласно ст. 15 Директивы Совета 2011/70/Евратом страны-члены ЕС обязаны сообщать ЕК об основных положениях национального законодательства и последующих изменениях, которые они принимают в области регулирования с РАО и ОЯТ. Страны-члены ЕС придерживаются принципа быстрого уведомления ЕК о содержании своих национальных программ о пунктах, касающихся РАО и ОЯТ.

В свою очередь ЕК на основе отчетов стран-членов ЕС готовит доклад Европарламенту и Совету ЕС о ходе выполнения Директивы Совета 2011/70/Евратом и инвентаризации РАО и ОЯТ на территории ЕС. Такие доклады ЕК были сделаны 15 мая 2017 г.²⁰ и 17 декабря 2019 г.,²¹ которые дают четкое представление о текущей ситуации и о произошедших изменениях за отчетный период в сфере обращения с РАО и ОЯТ по странам-членам ЕС и выделяют вопросы, требующие контроля со стороны ЕК. Сам процесс составления отчетности занимал довольно большое время и отнимал много усилий, учитывая огромный массив данных и особенности классификации РАО и ОЯТ в различных европейских странах. С использованием Европейской Комиссией ИИ, квантовых компьютеров, цифровых платформ и других цифровых технологий значительно упростилась задача сбора и контроля данных по обращению с РАО и ОЯТ в странах-членах ЕС.

В настоящее время цифровизация ЕК нацелена на решение следующих высокоуровневых задач: поддержка политических приоритетов и деятельности ЕК с помощью безопасного цифрового решения; предоставление ЕК высококачественных, надежных, безграничных, цифровых госуслуг, что будет способствовать реализации ее общеевропейской политики и свободному потоку данных, стимулируя единый цифровой рынок; обеспечение преобразования ЕК и повышение ее роли в формировании политики, в том числе и в секторе ядерной энергетики; создание ЕК, в качестве «открытой администрации» мирового класса; обеспечение безопасности ИТ-активов ЕК; гарантирование устойчивости ЕК путем обеспечения безопасности, эффективности, действенности ее цифровой инфраструктуры и портфеля цифровых услуг.

Таким образом, ЕК стала администрацией мирового класса — открытой, надежной, безопасной и оцифрованной, которая сама управляет данными. Такой подход представил новые возможности для обеспечения более высокой безопасности обращения с РАО и ОЯТ на европейском пространстве. Цифровые технологии, по сути, трансформировали и даже полностью изменили «привычные элементы взаимосвязей, подчиняя их своему влиянию» (Ponkin & Lanteva, 2021; Blazheyeva & Egorova, 2021).

В своей деятельности формирования цифрового будущего Европы ЕК руководствуется следующими принципами цифровизации: безопасность и конфиденциальность, открытость и транспарентность, единовременность.

¹⁹ Council Directive 2011/70/Euratom of 19 July 2011 establishing a Community framework for the responsible and safe management of spent fuel and radioactive waste, N L 199, 2.8.2011, p. 48.

²⁰ European Commission. (2017, May 15). *Report from the Commission to the Council and the European parliament on progress of implementation of Council Directive 2011/70/EURATOM and an inventory of radioactive waste and spent fuel present in the Community's territory and the future prospects*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1528108752221&uri=CELEX:52017DC0236>

²¹ European Commission. (2019, December 17). *Commission staff working document. Progress of implementation of Council Directive 2011/70/EURATOM. Accompanying the document. Report from the Commission to the Council and the European parliament on progress of implementation of Council Directive 2011/70/EURATOM and an inventory of radioactive waste and spent fuel present in the Community's territory and the future prospects*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1579078487734&uri=CELEX:52019SC0436>

Принцип безопасности и конфиденциальности заключается в том, что комплексный подход ЕК к безопасности охватывает граждан ЕС, материальные активы и информацию. В рамках этого подхода директоры ЕК, в том числе и Директорат экономики, следят за тем, чтобы их цифровые решения соответствовали политикам и стандартам ЕК в области IT- и информационной безопасности.

Принцип открытости и прозрачности означает, что в рамках своей деятельности директоры ЕК обмениваются данными и информацией между собой, а также с другими учреждениями и агентствами ЕС. В соответствующих случаях они также делятся данными со странами-членами ЕС и третьими сторонами, в частности с международными организациями.

Принцип единовременности учитывает правила защиты данных и другие соответствующие правовые нормы, в частности правила конкуренции, в зависимости от того, какая информация затрагивается.

Конечная цель вышеупомянутых принципов — это предоставление услуг, обеспечивающих быстрый, надежный и безопасный доступ к высококачественному, актуальному и защищенному массиву информации. Предоставление информации в области атомного сектора, т. е. совокупность информационных материалов на различных носителях непосредственно от ЕК и других наднациональных органов ЕС, а также поддержание связи с общественностью по вопросам атомной промышленности, в том числе и по обращению с РАО и ОЯТ как на наднациональном уровне, так и на национальном уровне. Другой аспект, что подача информации может быть сегментирована. Согласно ст. 13 Договора об Евратоме²² информация может не раскрываться в связи с тем, что она была получена с учетом ограничений на ее использование или распространение. Например, информация, которая подпадает под режим секретности, условия такого правового режима прописаны в ст. 24 Договора об Евратоме²³, а также в ст. 10 Директивы Совета 2011/70/Евратом²⁴ сформулировано, что информация может быть доступна при условии, если она не поставит под угрозу вопросы безопасности и другие интересы страны-члена ЕС, признанные его национальным законодательством или международными обязательствами.

Действия ЕК по улучшению набора цифровых решений и цифровой инфраструктуры определяются политиками в области цифровых технологий (данные, функциональная совместимость, электронное правительство) и основывается на следующих существующих стратегиях: стратегия цифрового рабочего места; стратегия решения для совместной работы; стратегия цифровой инфраструктуры; IT-безопасность и стратегия информационной безопасности; управление данными, информацией и знаниями в ЕК; стратегия ЕК в отношении данных; европейские рамки взаимодействия; стратегия трансевропейских систем.

Ключевым элементом внедрения этих цифровых решений и цифрового рабочего места является экосистема корпоративных данных (ЭКД) для управления информацией, которая состоит из стандартов данных и технологий, поддерживающих полный жизненный цикл данных (т. е. хранение, обработка, анализ, визуализация, совместное использование, повторное использование, сохранение данных и т. д.). ЭКД позволила

²² Consolidated version of the Treaty establishing the European Atomic Energy Community OJ C 327, 26.10.2012, p. 1–107. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012A/TXT>

²³ Consolidated version of the Treaty establishing the European Atomic Energy Community OJ C 327, 26.10.2012, p. 1–107. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012A/TXT>

²⁴ Council Directive 2011/70/Euratom of 19 July 2011 establishing a Community framework for the responsible and safe management of spent fuel and radioactive waste, N L 199, 2.8.2011, p. 48.

использовать платформу многоразовых решений и поддерживать цифровую инфраструктуру. Это коренным образом изменило методы работы ЕК.

На политическом уровне ЭКД позволила ЕК принимать более обоснованные решения, в том числе и в области атомной энергетики. Это привело к разработке политики, основанной на фактах, которая будет способствовать улучшению регулирования. Максимально используя данные для поддержки более качественной разработки политики, в частности в области энергетики, ЕК сможет лучше «предсказывать» новые потребности в атомной промышленности, выявляя тенденции на более раннем этапе. ЕК также сможет лучше оценивать влияние новых тенденций в энергетическом секторе, а также отслеживать и оценивать развитие и потребности атомной отрасли. Другими словами, используя весь потенциал своих данных, ЕК сможет разумно разрабатывать, внедрять и оценивать свою политику в области ИИ ядерной энергетики.

С технической точки зрения инфраструктура экосистемы включает: источники данных (например, базы данных, системы), связанные аналитические инструменты, стандарты данных, каталоги, интерфейсы прикладного программирования (API), аналитику и руководящие принципы, что решило проблему фрагментации и разрозненности данных. Это, в свою очередь, обеспечило появление семантически совместимых данных: репозитории данных, основные данные и базовые реестры по классификации РАО и ОЯТ по странам-членам ЕС. Адаптация существующих систем сделала беспрепятственный обмен данными в соответствии с Решением о повторном использовании документов ЕК²⁵, Директивой об информации государственного сектора и Директивой об инфраструктуре пространственной информации в Европе. Такой технический прорыв позволил сделать эффективное применение цифровых инструментов в системе контроля обращения с РАО и ОЯТ на всей территории ЕС.

Цифровизация обращения с РАО и ОЯТ на территории ЕС

Впервые МАГАТЭ опубликовало технические рекомендации «Внедрения цифровых контрольно-измерительных приборов и систем управления при модернизации атомных электростанций»²⁶ в 2009 г., в которых были даны основные характеристики цифровых технологий при внедрении ИИ в систему контроля и управления при модернизации АЭС.

Учитывая, что в 2009 г. уже были достигнуты огромные успехи в области цифровых технологий во многих странах мира, но их применение в ядерной отрасли все еще было ограничено, Рекомендации МАГАТЭ 2009 г. обобщали опыт внедрения цифровых систем контроля и управления для обеспечения безопасности АЭС на тот период времени. Поскольку рекомендации МАГАТЭ являются нормами «мягкого права» (Lamm, 2017), они были взяты за основу многими странами, в том числе и странами-членами ЕС, Россией, США, Китаем, для совершенствования правового регулирования вопросов применения ИИ в атомной промышленности. При этом решались следующие задачи: безопасность реакторов, работы репозитория и обращения с РАО и ОЯТ, управление катастрофическими рисками, контроль состояния АЭС, цифровизация проектирования АЭС, усовершенствование технологического процесса и кибербезопасность АЭС (Losev, 2018).

²⁵ Decision on the reuse of Commission documents: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32011D0833>

²⁶ IAEA. (2009). *Implementing digital instrumentation and control systems in the modernization of nuclear power plants*. <https://www.iaea.org/publications/8057/implementing-digital-instrumentation-and-control-systems-in-the-modernization-of-nuclear-power-plants>

В ЕС еще не принята Директива, которая бы регулировала применение цифровых технологий в сфере обращения с РАО и ОЯТ. При этом в рамках Цифровой стратегии ЕК 2018 г. и Формирование цифрового будущего Европы 2020 г. ряд европейских стран, такие как Франция, Словакия Германия, начали применять цифровые технологии в системах контроля АЭС и при выводе из эксплуатации ядерных объектов, позволяя экспертам улучшить планирование и реализацию трехмерного моделирования, имитации, визуализации, виртуальной реальности, ИИ и других подобных приложений²⁷. По прогнозам МАГАТЭ, к 2030 г. ожидается вывод из эксплуатации от 12 до 25 % ядерных электроэнергетических мощностей 2020 г.²⁸ Инновационные цифровые технологии могут предоставить важную информацию для планирования и реализации проектов вывода из эксплуатации АЭС, которые являются междисциплинарным процессом, который включает такие виды деятельности, как определение физических и радиологических характеристик АЭС и ее окрестностей, а также дезактивация и демонтаж установок и строительных конструкций. «Распределенная система 3D-проектирования с мультимимизацией размерностей позволяет рассчитать основные параметры» любого ядерного объекта на протяжении всего его цикла жизнедеятельности (Putilov, 2019). Вывод из эксплуатации АЭС может занять от нескольких лет до нескольких десятилетий, особенно в случае отложенного демонтажа, и эксперты ожидают, что цифровые технологии улучшат планирование и сократят сроки, необходимые для завершения этой сложной процедуры. Цифровые модели ядерных установок, которые воссоздают технологии и конструкции объекта, все чаще используются для поддержки эффективного проектирования, эксплуатации и технического обслуживания. Цифровые двойники служат в качестве «записей об исполнении», в которых подробно описывается, как именно ядерная установка была построена и обслуживалась во время ее эксплуатации. Цифровизация АЭС также помогает повысить безопасность: она позволяет анализировать различные сценарии демонтажа с точки зрения радиационного облучения рабочих, чтобы можно было выбрать наиболее безопасный из них.

В настоящее время Евратом поддерживает использование 3D-моделирование и симуляции на этапах планирования демонтажа ядерных объектов в ЕС. Так, например, Итальянская компания по выводу из эксплуатации АЭС и обращению с РАО (SOGIN) применяла 3D-модели и симуляции для облегчения подготовки к демонтажу различных типов энергетических реакторов, а также для управления генерируемыми потоками РАО с помощью ИИ. Словацкая компания по выводу из эксплуатации АЭС и обращению с РАО (Slovak Nuclear and Decommissioning Company – JAVYS), также использовала 3D-моделирование и имитационное моделирование для поддержки демонтажа компонентов реакторов ВВЭР на АЭС Богунице в Западной Словакии. Компания JAVYS опробовала эти методы для определения и подтверждения наилучшей стратегии резки компонентов первичного контура, которые необходимо демонтировать, а также для разработки инструментов для извлечения, транспортировки и резки²⁹.

²⁷ Sydorenko, V. (2021, September 21). *Digitalization supports safe and effective nuclear facility decommissioning*. IAEA Department of Nuclear Energy. <https://www.iaea.org/newscenter/news/digitalization-supports-safe-and-effective-nuclear-facility-decommissioning>

²⁸ IAEA. (2019). *Energy, electricity and Nuclear Power Estimates for the Period up to 2050*. https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/19-00521_web.pdf

²⁹ Semenas, R., & Kaijanen, M. (2014). *European clearinghouse: Analysis of events related to NPPs digital instrumentation and control systems – Summary report of a European clearinghouse topical study*. European Commission. <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC89523>

Особое внимание Евратом уделяет цифровой инфраструктуре, которая используется в процессе обращения с РАО и ОЯТ, проверяя на практике эффективность новых информационных технологий. «Облако» трансформирует информационные технологии на АЭС, облачные вычисления уже начали обеспечивать большую маневренность и гибкость работы с большим массивом информации по РАО и ОЯТ. Это также улучшает доступность и масштабируемость IT-систем при одновременном снижении затрат. Облачные вычисления уже показали значительные преимущества, в частности, за счет сокращения времени, необходимого для предоставления хостинговых решений, особенно по транспортировке РАО.

При этом сохраняется вопрос о кибербезопасности. Кибератаки становятся все более изощренными. Политически мотивированные кибератаки нацелены на учреждения ЕС, их сотрудников и, в частности, на их политических лидеров, как в их профессиональной, так и в личной жизни (например, нацеленные на личные учетные записи электронной почты). Более широкое использование мобильных устройств, облачных вычислений, социальных сетей и инструментов для совместной работы с интенсивным использованием данных означает, что число целей растет. Серьезный сбой в системе кибербезопасности может нанести значительный ущерб, включая и вопросы безопасности ядерных объектов. Таким образом, IT-безопасность является главным приоритетом ЕС, а кибербезопасность играет центральную роль. В ЕС уже функционирует «глубокоэшелонированная безопасность» с несколькими уровнями защиты для блокирования и/или обнаружения атак, большинство которых обычно определяются и автоматически блокируются первыми линиями защиты. Однако, учитывая размер и сложность IT-систем, используемых в ЕК и Евратоме, классические модели атак по-прежнему представляют опасность: в частности, кража учетных данных с помощью фишинговой компании или компрометация незащищенной системы, повышение привилегий для получения прав администратора для установки вредоносных программ или экс-фильтрация данных.

Заключение

Начало XXI века ознаменовалось борьбой и нарастающей гонкой за цифровые технологии экономически развитых стран мира. Цифровой проект сопоставим по своей значимости с ядерным проектом 1941–1945 гг. «Цифра» полностью перевернет представление человечества о современном мире и откроет большие горизонты возможностей: начинания от появления новых отраслей производства и новых востребованных профессий и заканчивая созданием новой структурой логистики и занятости населения. Внедрение цифровизации в атомную промышленность обеспечит, в первую очередь, безопасность эксплуатации АЭС, ядерных репозиторий, обращения с РАО и ОЯТ, сократит временные затраты по обработке данных по РАО и ОЯТ, позволит минимизировать риски радиационного облучения обслуживающего персонала ядерного объекта и близлежащей территории. В ЕС пока еще не принята директива, регламентирующая использование «цифры» и ИИ при обращении с РАО и ОЯТ, однако используемые Евратомом мягкие нормы права МАГАТЭ в этой области помогают накопить свой опыт применения цифровизации в ядерной энергетике. В будущем формирующиеся новые общественные отношения, несомненно, приобретут правовое закрепление в виде правового акта на территории ЕС, обобщив всю складывающуюся в настоящее время практику использования ИИ и цифровизации в обращении с РАО и ОЯТ.

Список литературы / References

1. Blazheeva, V. V., & Egorova, M. A. (2021). *Transformatsiia modelei pravovogo regulirovaniia ob"ektov innovatsionnoi infrastruktury sovremenom prave: rossiiskii i zarubezhnyi opyt* [Transformation of models of legal regulation of innovation infrastructure objects in modern law: Russian and foreign experience]. Prospekt.
2. Craig, P., & de Burca, G. (2020). *EU Law text, cases, and materials* (7th ed.). Oxford University Press Inc.
3. De Franceschi, A., & Schulze R. (2019). *Digital revolution law – New challenges for law*. Verlag C. H. Beck.
4. Zherebtsov, A. (2020). «Proryvnye» roboty [«Breakthrough» Robots]. *Atomic Expert*, 1-2(79), 36–39.
5. Inozemtsev, M. I. (2021) Digital law: The pursuit of certainty. *Digital Law Journal*, 1(1), 8–28. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-1-8-28>
6. Entin, M. L., Entina, E. G., & Bratersky, M. V. (2021). Imperativy perekhoda na novuiu model 'sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia [Imperatives of the transition to a new model of socio-economic development]. *Polis. Political studies*, (6), 8-25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.02>
7. Entin, L. M. (2009). *Pravo Evropeiskogo Soiuza. Novyi etap evoliutsii: 2009–2017* [European Union Law. New stage of evolution: 2009-2017]. Aksiom Publishing House.
8. Lamm, V. (2017). *Reflections on the development of international nuclear law*. http://real.mtak.hu/73195/1/lamm_v_reflections_2017.08.04..pdf
9. Liventsov, S. (2019). Vseobshchaia avtomatizatsiia [General Automation]. *Atomic Expert*, 7(76), 44–47.
10. Losev, A. (2018). Iskusstvennyi intellect v iadernoi energetike [Artificial intelligence in nuclear power]. *Atomic Expert*, 3–4(64–65), 56–59.
11. Ponkin, I. V., & Lapteva A. I. (2021). *Pravo i tsifra: Mashinochitaemoe pravo, tsifrovye modeli-dvoyniki, tsifrovaia formalizatsiia i tsifrovaia onto-inzheneriia v prave* [Law and digital: Machine-Readable law, digital twin models, digital formalization and digital onto-engineering in law]. Buki Vedi.
12. Putilov, A. (2019). Atom v tsifre [Atom in digital]. *Atomic Expert*, 4(73), 66–70.
13. Schulze, R., & Staudenmayer, D. (2020). *EU digital law*. Nomos Verlagsgesellschaft.
14. Synodinou, T.-E., Jougleux, P., Markou, Ch., & Prastitou, Th. (Eds.). (2020). *EU Internet law in the digital era*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-25579-4>
15. Södesten, A. (2018). *Euratom at the crossroads*. Edward Elgar.
16. Tromans, S. (2010). *Nuclear law: The law applying to nuclear installations and radioactive substances in its historic context* (2nd ed.). Hart Publishing.
17. Shemyatenkov, V. G. (2003). *Evropeiskaia integriiia* [European integration]. International Relations.

Сведения об авторах:

Энтин Л.М. — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель магистратуры Европейского учебного института, старший научный сотрудник кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет), Москва, Россия.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6144-7370>

Лебедева Ю.В.* — советник первого класса, советник отдела научных исследований Историко-документального департамента МИД России, соискатель кафедры европейского права Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет), Москва, Россия.

y.lebedeva.68@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

Information about the authors:

Lev M. Entin — Dr. Sci. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Senior Research Scientist, Constitutional Law Department, Academic Supervisor of Master Program, Institute of European Law, MGIMO-University, Moscow, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6144-7370>

Yulia V. Lebedeva* — Minister-Counsel, Counsellor, Scientific Research Office, Department of History and Records, Ministry of Foreign Affairs, Ph.D. Student, European Law Department, MGIMO-University, Moscow, Russia.

y.lebedeva.68@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

СТАТЬИ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ NFT (NON-FUNGIBLE TOKEN) В РОССИИ: КАК РАБОТАТЬ В ОТСУТСТВИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ?

Ю.В. Брисов, А.А. Победин*

LFCS Legal Support

115054, Россия, Москва, ул. Дубининская, 57/1

Аннотация

2021 год стал переломным в развитии цифрового искусства. Широкое использование невзаимозаменяемого блокчейн токена (non-fungible token, NFT) в арт-индустрии произвело революцию в системе защиты и передачи прав интеллектуальной собственности. Агенты перестают быть посредниками между художниками и ценителями искусства, стриминговые сервисы — между музыкантами и слушателями. При помощи технологии блокчейн у авторов появилась возможность получать вознаграждение за продажу произведений на вторичном рынке и за их последующее использование. Сегодня практически не осталось тех, кто не слышал об NFT. Но то, что мы знаем об NFT сейчас — лишь верхушка айсберга. Потенциал NFT огромен: он далеко выходит за пределы изобразительного искусства, с которым во многом был связан первый ажиотаж. Мы сможем осознать те возможности, которые предоставляет NFT, только спустя несколько лет. Очевидна важность адекватной правовой основы для NFT оборота. Однако российское законодательство, как может показаться, обходит этот аспект стороной. Можно ли работать с NFT в России? Ответ на этот вопрос очень важен для огромного количества желающих включиться в международный рынок NFT — музеев, галерей, художников, музыкантов, предпринимателей и т.д. Целью работы является обоснование возможности работы с NFT в России при отсутствии специального правового регулирования.

Авторы, используя как системный, так и сравнительный методы исследования, обозначают место NFT в системе законодательного регулирования цифровых активов (цифровой валюты, цифровых финансовых активов, утилитарных цифровых прав). Отдельно рассматриваются актуальные вопросы, возникающие в контексте взаимопроникновения NFT и права интеллектуальной собственности. Посредством дедуктивного метода в работе исследуются нормы действующего законодательства, применимые к регулированию NFT. Используя эмпирический метод, авторы делятся своим опытом работы с NFT-объектами по российскому праву и демонстрируют убедительность своих выводов о возможности преодоления правовых проблем обращения NFT в России на примере успешных проектов по токенизации произведений Государственного Эрмитажа, коллекций других музеев, частных собраний, работ молодых художников.

Результатом работы является обоснование возможности обращения NFT в России при отсутствии специального правового регулирования и формирование такой модели по структурированию сделок с NFT, которая полностью соответствует требованиям российского законодательства.

В качестве материалов исследования использовались отечественный и зарубежный опыт токенизации объектов цифрового искусства, а также отечественная и зарубежная литература, посвященная правовым проблемам NFT.

Ключевые слова

NFT, невзаимозаменяемый токен, токены, токенизация, блокчейн, интеллектуальная собственность, авторское право, цифровое право, криптовалюта

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования

Брисов, Ю. В., Победкин, А. А. (2022). Правовой режим NFT (*non-fungible token*) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? *Цифровое право*, 3(1), 44–66. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-44-66>

* Автор, ответственный за переписку

Поступила: 01.02.2022, принята в печать: 28.02.2022, опубликована: 31.03.2022

ARTICLES

LEGAL REGIME OF NFT (NON-FUNGIBLE TOKEN) IN RUSSIA: HOW TO WORK IN THE ABSENCE OF SPECIAL LEGISLATIVE REGULATION?

Yuriy V. Brisov, Aleksey A. Pobedkin*

LFCS Legal Support

57/1 Dubininskaya st., Moscow, Russia, 115054

Abstract

The year 2021 was a turning point in the development of digital art. The widespread use of a non-fungible tokens (NFT) in the art industry has revolutionized the modern understanding of intellectual property rights (hereinafter – IPR) and the transfer of IPR.

The role of agents as intermediaries between artists and art connoisseurs lost its importance, and so did the role of streaming services. Blockchain technology rewards creators for the sales of works on the secondary market and their subsequent use.

Today everyone heard of NFT. Nevertheless, what we know about NFT now is just the tip of the iceberg. The potential market for NFT is enormous: it goes far beyond the visual arts. It will only be a few years before we realize all the possibilities that NFT brings to the table.

The importance of an excellent legal framework for NFT is apparent. However, as it may seem, Russian legislation bypasses this aspect. Hence, is it possible to work with NFT in Russia? The answer to this question is significant for many who wish to be part of the international NFT market, such as museums, galleries, artists, musicians, entrepreneurs.

The purpose of the work is to substantiate the possibility of working with NFT in Russia in the absence of special legal regulation.

The authors, using systematic, deductive and comparative research methods, designate the place of NFT in the system of legislative regulation of digital assets. Using an empirical method, the authors demonstrate the feasibility of overcoming the legal hardships of NFT transactions in Russia on the examples of successful projects of tokenization of masterpieces of the State Hermitage Museum, works of other museums, private collections, and creations by young Russian artists.

The result of the work is the justification of the feasibility of working with NFT in Russia in the absence of special legal regulation and the formation of such a model for structuring transactions with NFT, which fully complies with the requirements of Russian legislation.

The materials of the research used domestic and foreign experience of tokenization of digital art objects, as well as domestic and foreign literature on legal problems of NFT.

Keywords

NFT, non-fungible token, token, tokenization, blockchain, intellectual property, copyright, digital law, cryptocurrency

Conflict of interest The authors declare no conflict of interest.

Financial disclosure The study had no sponsorship.

For citation Brisov, Y. V., & Pobedkin, A. A. Legal regime of NFT (non-fungible token) in Russia: How to work in the absence of special legislative regulation? *Digital Law Journal*, 3(1), 44–66. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-44-66>

* Corresponding author

Submitted: 1 Feb. 2022, accepted: 28 Feb. 2022, published: 31 Mar. 2022

Введение

Рынок NFT

В области цифрового права 2021 год ознаменовался резко возросшим вниманием к NFT¹ (от английского *non-fungible token* — «невзаимозаменяемый токен»²). Это произошло после того, как некоторые объекты искусства были проданы в виде NFT за внушительные суммы. К примеру, в феврале 2021 г. на аукционе Christie's была продана цифровая картина американского художника Майка Винкельманна в форме NFT за \$69,35 млн³. В марте того же года в NFT была конвертирована и продана за \$95 тысяч⁴ впоследствии сожженная работа уличного художника Бэнкси «Morons (White)». Несколькими месяцами позже, в мае флорентийская галерея Уффици продала картину Микеланджело «Мадонна Дони» в форме NFT за \$170 тысяч⁵. Эти первые продажи,

¹ Российская газета. (2021, май 19). *NFT-токены: очередной хайп или будущее рынка интеллектуальной собственности?* <https://rg.ru/2021/05/19/nft-tokeny-ocherednoj-hajp-ili-budushchee-rynka-intellektualnoj-sobstvennosti.html>

² От английского *token* — жетон, знак.

³ РБК Крипто. (2021, март 11). *NFT-токен продали на аукционе за рекордные \$69 млн.* <https://www.rbc.ru/crypto/news/604a3b479a7947c4d213d12c>

⁴ РБК Крипто. (2021, март 4). *Работу художника Бэнкси сожгли и превратили в NFT-токен.* <https://www.rbc.ru/crypto/news/6040a6819a794715076a7f84>

⁵ Esquire. (2021). *В Италии цифровую копию картины Микеланджело «Мадонна Дони» продали за \$170 тысяч.* <https://esquire.ru/articles/262503-v-italii-cifrovuyu-kopiyu-kartiny-mikelandzhelo-madonna-doni-prodali-za-170-tysyach/>

взбудоражившие цифровой рынок, были только началом: аббревиатура NFT действительно стала словом 2021 года⁶, а перечислить самые дорогие NFT-работы уже не представляется возможным из-за их резко возросшего количества.

Вдохновившись примером флорентийских коллег, Государственный Эрмитаж подготовил⁷, а затем впервые в истории продал на открытом аукционе лимитированную коллекцию музейных NFT, достоверных подписью директора музея⁸.

Успешно реализовали NFT уже и многие русские художники⁹. Например, Покрас Лампас продал свой первый NFT за 2,1 млн рублей¹⁰. Дуэт цифровых художников 404.zero передал NFT-работу в благотворительных целях, и она была реализована за рекордные на тот момент 6,6 млн рублей¹¹. В декабре 2021 года онлайн-галерея SAMPLE совместно с объединением экспертов из индустрий искусства и культуры, финансов и технологий, юриспруденции и управления проектами NFTMASTERS представили первую курируемую NFT-коллекцию российского искусства, произведения из которой были проданы более чем за 11 млн рублей (<https://sample.nftmasters.pro>).

Особенность продажи произведений цифрового искусства в NFT заключается в том, что объектом таких сделок являются не сами произведения цифрового искусства, а уникальный цифровой код (токен), в который такие произведения (например, картина, видеозапись или иной цифровой файл) предварительно конвертировались. Иными словами, NFT — это запись в распределенном реестре (блокчейн). Каждая запись в блокчейне содержит уникальные данные, которые невозможно подделать или скопировать. Эту запись можно передать другому пользователю соответствующего распределенного реестра. При этом прежний владелец безвозвратно утрачивает токен после его передачи.

Такая особенность NFT делает их похожими на физические объекты. Если обычный электронный файл можно отправить получателю, при этом сохранив его у себя, то аналогичный электронный файл, выраженный в NFT, становится уникальным — передавая его получателю, мы неизбежно лишаемся его сами, как будто бы передаем приобретателю какой-либо физический объект.

В отличие от обычных электронных файлов, оригинал файла, закрепленного в форме NFT, всегда отличим от своей копии, поскольку блокчейн хранит записи о создании, владении и передаче токена. Также технология блокчейн гарантирует принадлежность конкретного токена только одному владельцу. Благодаря NFT у художников появился шанс на продажу цифровых произведений. Ранее цифровые работы распространялись преимущественно бесплатно по причине легкости копирования. NFT-формат позволил художникам инвестировать время

⁶ Быковский, А. (2021, декабрь 27). Токены превращаются в люкс: 10 самых дорогих NFT-произведений на аукционах 2021 года. Forbes. <https://www.forbes.ru/forbeslife/450565-tokeny-prevasautsa-v-luks-10-samyh-dorogih-nft-proizvedenij-na-aukcionah-2021-goda>

⁷ РБК Крипто. (2021, июль 5). Как правильно использовать NFT в России и не нарушить закон. <https://www.rbc.ru/crypto/news/60e2f4609a794732c30fc130>

⁸ Partz, H. (2021, September 7). Russian State Hermitage raises \$440K via Binance NFT auction. Cointelegraph. <https://cointelegraph.com/news/russian-state-hermitage-raises-440k-via-binance-nft-auction>

⁹ Маркина, Т. & Савицкая, А. (2021, май 11). Арт-группа AES + F погружается в NFT. The Art Newspaper Russia. <http://www.theartnewspaper.ru/posts/9050/>

¹⁰ РБК Стиль. (2021, март 12). Покрас Лампас продал фото своей работы на криптоаукционе за 2 млн рублей. <https://style.rbc.ru/repost/604b47c09a79471cad131fec>

¹¹ Tekdeeps. (2021, April 15). NFT-painting of Russian authorship was sold at a charity auction for a record 6.6 million rubles. <https://tekdeeps.com/nft-painting-of-russian-authorship-was-sold-at-a-charity-auction-for-a-record-6-6-million-rubles>

и усилия в создание уникальных, сложных, неповторимых произведений, что в целом позволило вывести цифровое искусство на принципиально новый уровень¹².

Основная проблема использования NFT в России

Основная правовая проблема использования NFT в России — отсутствие специального правового регулирования. Бизнес и художники не понимают, можно ли работать и как работать с NFT в России.

Учитывая ограничения, предусмотренные Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ¹³ (далее — Закон «О ЦФА») в отношении оборота цифровой валюты, правильное определение правового режима NFT очень важно.

От этого зависит, будут ли NFT легальны в России или нет, смогут ли российские предприниматели, художники, галереи, музеи активно включиться в международный рынок NFT, объем которого растет в геометрической прогрессии: за 2020 г. — \$315 млн¹⁴, за первую половину 2021 г. — \$2,5 млрд¹⁵, за весь 2021 г. — более \$40 млрд¹⁶.

Целью исследования является обоснование возможности работы с NFT в России при отсутствии специального правового регулирования и разработка такой модели обращения NFT, которая полностью соответствует требованиям российского законодательства.

Работа структурирована следующим образом.

В первом разделе рассматривается место NFT в системе цифровых активов, предусмотренных российским законодательством (цифровая валюта, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права).

Во втором разделе через соотношение с поименованными цифровыми активами высказываются предложения по установлению правового режима NFT и определению норм, применимых к их регулированию.

В третьем разделе уделяется отдельное внимание проблеме взаимодействия NFT и права интеллектуальной собственности.

В четвертом разделе демонстрируется возможность преодоления правовых проблем обращения NFT в России на примере с токенизацией произведений Государственного Эрмитажа.

Классификация цифровых активов

Как было отмечено ранее, основная проблема регулирования NFT заключается в том, что российское законодательство не содержит определения NFT и никаким образом не регулирует данный вид токенов, при этом другие популярные виды токенов исследованы и детально описаны.

¹² Christie's. (2021). *Beeple gets real. A new work by the world's most famous digital artist will highlight Christie's 21st Century Evening Sale.* <https://www.christies.com/features/Beeple-gets-real-with-human-one-11940-7.aspx>

¹³ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Сборник законодательства Российской Федерации, 2020, № 31 (часть I), Статья 5018.

¹⁴ Коммерсантъ. (2021, июль 2). *Искусство быть цифрой.* <https://www.kommersant.ru/doc/4880610>

¹⁵ Фокус. (2021, июль 6). *Рынок NFT в первом полугодии вырос до \$2,5 миллиардов.* <https://focus.ua/technologies/487229-rynok-nft-v-pervom-polugodii-vyros-do-2-5-milliardov-reuters>

¹⁶ Фетисов, В. (2022, январь 4). *Рынок цифрового искусства и NFT превысил \$40 млрд в 2021 году.* 3D News. <https://3dnews.ru/1057278/rinok-tsifrovogo-iskusstva-i-nft-previsil-40-mlrd-v-2021-godu>

В результате NFT, существующие и оборачивающиеся только в цифровом пространстве, начинают ошибочно смешивать с иными цифровыми активами, прямо поименованными в законодательстве: цифровой валютой (криптовалютой), цифровыми финансовыми активами, утилитарными цифровыми правами¹⁷. Кратко охарактеризуем данные цифровые активы, их подробное соотношение с NFT будет рассмотрено во втором разделе работы.

Цифровая валюта (криптовалюта)

Цифровая валюта поименована в Законе «О ЦФА» (ч. 3 ст. 1). Из длинного определения можно вывести два основных признака цифровой валюты:

- 1) она может быть принята в качестве средства платежа и (или) в качестве инвестиций,
- 2) отсутствует лицо, обязанное перед обладателем цифровой валюты.

Классическим примером криптовалюты является Bitcoin или иные альткоины¹⁸, например, Ethereum (<https://ethereum.org/ru/>).

Любая криптовалюта является токеном, подтверждающим обладание определенным количеством цифрового актива, которым можно расплачиваться, т. е. токен криптовалюты является платежным токеном (*payment token*). Платежные токены, как и обычные деньги, являются взаимозаменяемыми, поскольку обладателю важно лишь количество находящихся в его криптокошельке токенов, а не их уникальность, которая у платежных токенов в принципе отсутствует.

Рассуждая о платежной функции токенов цифровой валюты, важно упомянуть содержащееся в ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА» ограничение на принятие российскими юридическими лицами и российскими резидентами цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы или услуги. Может сложиться впечатление, что данное ограничение полностью нивелирует платежную природу токенов цифровой валюты. Подобный подход нельзя признать убедительным по следующим соображениям.

В ч. 3 ст. 1 Закона «О ЦФА» прямо говорится о функции цифровой валюты — она может быть принята в качестве средства платежа. Более того, российский законодатель не запрещает принимать цифровую валюту в качестве средства платежа находящимся на территории России нерезидентам (ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА»). Следовательно, российский резидент может расплатиться цифровой валютой с нерезидентом.

Законодательные ограничения несколько не меняют сущность цифрового актива: токены цифровой валюты являются платежными по своей природе.

Цифровые финансовые активы

Понятие цифровых финансовых активов (далее — ЦФА) определено законодателем в ч. 2 ст. 1 Закона «О ЦФА». Основные признаки ЦФА, выводимые из определения, следующие:

- 1) ЦФА — это цифровые права (чаще всего корпоративные), выпуск, учет и обращение которых возможны в информационной системе,
- 2) выпуск ЦФА возможен только в порядке, предусмотренном Законом «О ЦФА».

¹⁷ См., например: Банк России. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций*.

https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf. Банк России утверждает, что NFT относится к разновидности токенизированных активов, подтверждающих право на получение определенного товара или услуги, т.е. отождествляет NFT и утилитарные цифровые права.

¹⁸ Криптовалюты, появившиеся после Bitcoin.

В этом принципиальное отличие ЦФА от криптовалюты, выпуск которой никак не связан с соблюдением требований Закона «О ЦФА».

Кроме того, в информационной системе (в которой происходят выпуск, учет и обращение ЦФА) существует оператор (ст. 5 Закона «О ЦФА»), включаемый в реестр операторов Банком России. В случае с криптовалютами никакого оператора не существует, цифровые валюты обращаются в распределенном децентрализованном реестре без каких-либо посредников и ответственных лиц.

Утилитарные цифровые права

Утилитарные цифровые права (далее — УЦП) закреплены в ст. 8 ФЗ от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁹ (далее — ФЗ № 259-ФЗ).

Основные признаки УЦП:

- 1) обращаются лишь в инвестиционной платформе (под ней понимается информационная система в Интернете, используемая для заключения договоров инвестирования),
- 2) в содержание УЦП входит:
 - право требовать передачи вещи (вещей);
 - право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
 - право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

NFT

В 2017 году появилась особая категория токенов, оборот которых осуществляется в блокчейне. NFT являются невзаимозаменяемыми (индивидуально-определенными) и не могут быть замещены другими аналогичными токенами.

NFT создаются посредством токенизации, которая представляет собой процесс замены данных уникальными идентификационными символами, сохраняющими всю необходимую информацию о данных без ущерба для их безопасности.

Токенизация цифровых произведений стала возможна благодаря появлению в 2017 году на блокчейне Ethereum стандарта ERC-721, который позволяет создавать уникальные токены. В настоящий момент это не единственный стандарт создания NFT на блокчейне Ethereum. Например, при помощи стандарта ERC-1155 в один NFT можно поместить несколько произведений²⁰.

При этом существует три возможных способа «помещения» произведений искусства в блокчейн. Первый — это токенизация аналогового объекта (например, работа «Morons (White)» Бэнкси²¹). Второй — токенизация объекта, созданного в электронной форме (например, цифровая картина Майка Винкельманна «Первые 5000 дней»²²). Наконец, цифровой объект можно создать сразу на блокчейне (CryptoPunks Lavra Labs (<https://www.larvalabs.com/cryptopunks>)).

¹⁹ Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации, 2019, № 31, Статья 4418.

²⁰ Ethereum. (2021, декабрь 22). ERC-1155 Multi-token standard. <https://ethereum.org/ru/developers/docs/standards/tokens/erc-1155/>

²¹ Корнеев, А. (2021, март 4). Работу художника Бэнкси сожгли и превратили в NFT-токен. РБК. <https://www.rbc.ru/crypto/news/6040a6819a794715076a7f84>

²² Теткин, М. (2021, март 11). NFT-токен продали на аукционе за рекордные \$69 млн. РБК. <https://www.rbc.ru/crypto/news/604a3b479a7947c4d213d12c>

Способы токенизации важно различать, поскольку от этого зависит юридическое структурирование сделок, связанных с оборотом NFT. Например, если токенизируется аналоговое произведение для дальнейшей реализации NFT на маркетплейсе, и юрист сопровождает данную сделку, необходимо обратить особое внимание на то, какая судьба будет в дальнейшем у аналогового произведения, кто будет его правообладателем, перейдут ли к приобретателю NFT какие-либо права на аналоговое произведение. Более подробно вопросы распределения исключительных прав будут рассмотрены в третьем и четвертом разделах работы.

Созданный NFT реализует сертификат подлинности, связанный с определенным цифровым активом. Иными словами, NFT как сертификат подлинности (строчки кода, записанные на блокчейне) подтверждает, кто владеет оригинальной версией цифрового объекта несмотря на то, что его может посмотреть или скачать каждый: точно так же, как картина может принадлежать музею или частному лицу, но ее можно увидеть на выставке или в каталоге.

Ценность работы после создания NFT находится в токене. Следовательно, покупка токена аналогична получению права собственности на произведение — приобретая NFT, его владелец становится единственным обладателем связанного с токеном цифрового объекта; отчуждая NFT, владелец теряет доступ к цифровому объекту, как будто бы он продал вещь, лишившись ее после продажи. При этом непосредственным объектом продажи являются не сами картины/видео/другие арт-объекты, а лишь уникальный цифровой код.

Таким образом, (1) исходя из особенностей обращения NFT на блокчейне, не предполагающих участие каких-либо операторов, (2) учитывая возможность самостоятельного создания NFT без соблюдения требований Закона «О ЦФА», (3) а также принимая во внимание не платежную, а правоподтверждающую функцию NFT, можно сделать вывод о том, что NFT не являются ни цифровыми финансовыми активами, ни утилитарными цифровыми правами, ни цифровой валютой.

Очевидно, что NFT это цифровой актив *sue generis*, т. е. цифровой актив, для которого допустимо в дальнейшем специальное правовое регулирование, поскольку ни одна из имеющихся в законодательстве правовых конструкций не может быть применена в силу особенностей NFT как индивидуально-определенного токена.

Можно также допустить, что законодатель умышленно обратил взор лишь на отдельные виды токенов, связанные с определенным объемом риска. Токены, не представляющие риска для экономического оборота (таких токенов в теории может быть бесконечно много), не вызывают интерес у законодателя. Соответственно, расширив положения ст. 128 ГК РФ об объектах гражданских прав понятием «цифровые права», законодатель допустил возможность оборота цифровых активов, прямо не отнесенных к цифровым правам, в режиме «иногое имущества». В то же время, отдельные виды цифровых прав, специальным образом поименованные в законе, имеют изложенный в данном законе режим регулирования.

NFT с точки зрения права: отсутствие специального законодательного регулирования

Поскольку российское законодательство не содержит специальных норм об NFT, первоочередной задачей является определение тех правовых норм, которые можно применить к данному виду токенов по аналогии закона. Для этого требуется провести анализ правовой природы NFT и выработать их классификацию. От того, какие права содержатся в NFT, различаются и нормы, применимые к их регулированию.

Правовая природа NFT

Уникальность NFT объясняется через понятия взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости.

Понятия взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости характерны для общего права (Англия, США)²³, где под взаимозаменяемостью понимается способность актива свободно заменяться другим активом того же типа без изменения его качества. Сырьевые товары, акции, опционы и валюты — это примеры взаимозаменяемых активов: один рубль свободно заменяется другим рублем, баррель нефти — другим баррелем того же сорта и т. д. Взаимозаменяемые активы упрощают обмен и торговые процессы, поскольку взаимозаменяемость подразумевает равную стоимость между активами. Невзаимозаменяемыми являются товары или активы, выделенные среди других по присущим только им признакам²⁴.

В российском праве понятия взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости связывают с вещью. Выделяют индивидуально-определенные вещи и вещи, определяемые родовыми признаками (Sukhanov, 2016). В ГК РФ такая классификация прямо не проводится, но понятия индивидуально-определенных и родовых вещей используются: например, в ст. 398 ГК РФ (последствия неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь) и в ст. 807 ГК РФ (предметом договора займа могут быть деньги или вещи, определенные родовыми признаками).

Классификация на индивидуально-определенные вещи и вещи, определяемые родовыми признаками, присутствует в Модельном ГК для стран-участниц СНГ²⁵. В соответствии с п. 1 ст. 33 индивидуально-определенной признается незаменимая вещь, выделенная из других вещей по присущим только ей признакам (цветом, номером и т.д.). Индивидуализация позволяет выделить определенную вещь из ряда других таких же вещей (например, картина, дом и т.п.).

Родовые признаки присущи всем вещам того же рода и определяющиеся числом, весом, мерой. Вещи, определяемые родовыми признаками, являются заменимыми (п. 2 ст. 33 Модельного ГК). Вступая в правоотношения по поводу таких вещей, стороны имеют в виду род вещей (мешок картофеля, тонна мазута, тысяча рублей), а не определенную вещь.

Исходя из расшифровки аббревиатуры NFT, можно сделать вывод, что речь идет об *индивидуально-определенном токене*, т. е. невзаимозаменяемом. Индивидуальная определенность NFT следует из его существа, поскольку NFT содержит в себе уникальный невоспроизводимый код, отличающий его от других NFT и гарантирующий существование лишь одного экземпляра каждого конкретного NFT. Это означает, что обладатель токена имеет *право на уникальный цифровой объект*, привязанный к определенному NFT.

Следовательно, NFT вовсе не является цифровым произведением, как может показаться на первый взгляд. NFT — это строчки кода, записанные на блокчейне. В то же время NFT представляет собой многофункциональный инструмент:

- NFT рассматривается как техническое средство²⁶, позволяющее облечь объект интеллектуальной собственности в форму токена;

²³ Frankenfield, J. (2021, январь 23). *Fungibility*. Investopedia. <https://www.investopedia.com/terms/f/fungibility.asp>

²⁴ Редько, А. (2018, ноябрь 7). *Non-fungibility. Невзаимозаменяемость как ключевое качество реальных активов!* Vc.ru <https://vc.ru/crypto/50357-non-fungibility-nevzaimozamenyaemost-kak-klyuchevoe-kachestvo-realnyh-aktivov>

²⁵ Модельный Гражданский кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29 октября 1994 г.). <https://base.garant.ru/2566930/>

²⁶ Mezei, P., Quintais, J., Giannopoulou, A., & Bodó, B. (2021, April 22). *The Rise of Non-Fungible Tokens (NFTs) and the Role of Copyright Law — Part II*. Kluwer Copyright Blog. <http://copyrightblog.kluweriplaw.com/2021/04/22/the-rise-of-non-fungible-tokens-nfts-and-the-role-of-copyright-law-part-ii/>

- NFT как способ фиксации (сертификат подлинности) подтверждает владение уникальным цифровым объектом, закрепляет право владельца NFT на этот объект интеллектуальной собственности и в определенных случаях — право на получение связанных с объектом дополнительных возможностей;
- при отчуждении NFT становится самостоятельным объектом сделки. Связанные с NFT произведения искусства лишь следуют за токеном, но сами объектами сделок не являются.

Виды NFT и нормы, применимые к их регулированию

NFT как «иное имущество»

По общему правилу NFT не наделяют своего обладателя особыми правами, кроме обычных прав владения, пользования и распоряжения токеном.

Признаки NFT по своей природе схожи с признаками индивидуально-определенных вещей: конкретный NFT не может быть заменен на другой без кардинального изменения своего качества; в отличие от других цифровых объектов, NFT неделимы и не воспроизводимы; при отчуждении прежний владелец безвозвратно утрачивает NFT после его передачи. Перечисленные качества обычно связывают с вещами (Sukhanov, 2016).

Текст ГК РФ не содержит определения «вещи», однако понимает под вещь предмет материальной действительности, т. е. нечто о вещественное (предмет, наличные деньги, документальные ценные бумаги). Очевидно, что NFT в буквальном смысле к вещам не относится. Однако исходя из признаков NFT, аналогичных признакам индивидуально-определенных вещей, требуется найти место NFT среди объектов гражданских прав.

Ст. 128 ГК РФ в числе объектов гражданских прав выделяет «иное имущество», перечень которого является открытым. Более того, ст. 128 ГК РФ относит к иному имуществу и цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ). Можно предположить, что цифровые активы, не отнесенные законодателем прямо к цифровым правам, могут регулироваться положениями ст. 128 ГК РФ об «ином имуществе».

Таким образом, с учетом системного, телеологического толкования положений гражданского законодательства об имуществе, к тем токенам NFT, которые не наделяют своего обладателя особыми правами (кроме обычных прав владения, пользования и распоряжения токеном), применяются положения ст. 128 ГК РФ об «ином имуществе».

К этой категории NFT представляется возможным частично применить и правила о движимых индивидуально-определенных вещах по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ).

NFT, содержащие дополнительные утилитарные свойства

В ограниченных случаях NFT наделяют своих обладателей дополнительными правами (например, токены билетов на футбольный, баскетбольный матч²⁷ или токены, предоставляющие право на получение физической копии виртуально созданных кроссовок²⁸).

Так как утилитарные токены²⁹ используются для закрепления различных прав, это позволяет сделать вывод о том, что NFT, наделяющие своих обладателей определенными правами, могут выступать в качестве индивидуально-определенных цифровых прав.

²⁷ Brandt, J., & Hurtado, F. (2021, July 14). *The future of your NBA tickets is virtual — and non-fungible*. NBC Sports Washington. <https://www.nbcsports.com/washington/wizards/future-your-nba-tickets-virtual-and-non-fungible>

²⁸ Билык, К. (2021, июнь 30). *Российские художники создадут NFT-кроссовки, распечатают их на 3D-принтере и продадут на аукционе*. RB.RU. <https://rb.ru/news/nft-sneakers-russia/>

²⁹ От английского *utility* — польза, сервис.

В то же время в России не существует правового регулирования индивидуально-определенных цифровых прав: ст. 141.1 ГК РФ и специальные законы (Закон «О ЦФА», ФЗ № 259-ФЗ) не дают понятия индивидуально-определенному цифровому праву, а также не определяют его правовой режим. Имеющееся на данный момент правовое регулирование цифровых прав свидетельствует о том, что цифровые права являются родовыми, поскольку их обладателю важно иметь не какой-то конкретный актив, а лишь определенное количество взаимозаменяемого актива внутри информационной системы. Например, лицу важно иметь определенное количество токенов криптовалюты Bitcoin, а не конкретный токен, обозначающий наличие данной валюты в криптокошельке.

В случае с NFT их обладателю важно иметь уникальный незаменимый код, который закрепляет (а) право владельца на конкретный актив в виртуальном пространстве, (b) иные права, если NFT совмещает в себе дополнительные утилитарные свойства. В случае изменения кода теряется связь с основным активом и со всеми связанными правами, и смысл существования NFT пропадает.

Представляется, что к NFT, совмещающим также утилитарную функцию, возможно применение норм о цифровых правах (ст. 141.1 ГК РФ) лишь по аналогии закона.

Понятие «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ) по сути обозначает зафиксированные в электронной (цифровой) форме имущественные права, которые отвечают двум признакам:

- 1) они должны быть «прямо названы в качестве цифровых в законе»,
- 2) они должны приобретаться, осуществляться и отчуждаться на информационной платформе, «отвечающей установленным законом признакам».

Следуя логике ст. 141.1 ГК РФ, отсылающей к ст. 8 ФЗ № 259-ФЗ (где дается понятие утилитарных цифровых прав и их перечень), выходит, что к NFT, совмещающим в себе утилитарную функцию, по аналогии закона применяются правила об утилитарных цифровых правах за тем исключением, что утилитарные цифровые права обращаются на инвестиционной платформе. Оборот NFT, происходящий исключительно на блокчейне, не требует и, более того, не предполагает обращения на инвестиционной платформе.

Применение правил об утилитарных цифровых правах из ст. 8 ФЗ № 259-ФЗ возможно лишь в отношении NFT, которые совмещают в себе утилитарную функцию, наделяя своих обладателей дополнительными правами. Возможно, именно такие NFT приводятся в пример в докладе Банка России для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры»³⁰.

В отношении NFT, не обладающих утилитарными свойствами, применение правил об утилитарных цифровых правах является ошибочным по следующим соображениям.

Во-первых, законодатель понимает под утилитарными цифровыми правами права требования передачи вещей, передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнения работ и (или) оказания услуг. Эти права являются правами требования активных действий.

NFT без утилитарных свойств не предоставляют прав требования активных действий, а напротив — являются способом фиксации права обладателя на виртуальный актив («право наслаждения»). Это свидетельствует о наличии пассивных обязанностей всех остальных воздерживаться от нарушения права, подтверждаемого NFT.

Во-вторых, к NFT без утилитарных свойств логичным представляется частично применять правила о движимых вещах по аналогии закона, о чем было сказано ранее.

³⁰ Банк России. (2022). Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

Таким образом, NFT без утилитарных свойств принципиально отличаются от утилитарных цифровых прав, и применение правил об УЦП к таким NFT является неверным. Тем не менее, эту разницу понимают далеко не все. Достаточно ознакомиться с докладом для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры», подготовленным Банком России в 2022 г.³¹ Финансовый регулятор ошибочно утверждает, что все NFT (без дифференциации на наличие либо отсутствие утилитарной функции) относятся к разновидности токенизированных активов, подтверждающих право на получение определенного товара или услуги, т. е. фактически отождествляет любые NFT с утилитарными цифровыми правами.

В то же время всегда важно проводить тест на определяющие свойства токена. Если определяющим в NFT является невзаимозаменяемость, а утилитарность — дополнительной функцией, то правила об утилитарных цифровых правах могут применяться лишь по аналогии. Однако NFT не должны использоваться для маскировки УЦП. Если определяющей функцией токена является утилитарная, то к такому токenu положения об утилитарных цифровых правах применяются в полной мере.

Проиллюстрируем на конкретном примере, как совмещение в NFT утилитарных свойств влияет на правовые нормы, подлежащие применению к регулированию отношений сторон, возникающих в связи с приобретением NFT.

Так, некоторые NFT позволяют приобретателю токена самому участвовать в создании либо изменении содержащегося в NFT цифрового объекта. Например, NFT-коллекция Hashmasks (<https://www.thehashmasks.com>) предоставляет покупателю NFT возможность самому менять имя купленного персонажа. Таким образом, владелец токена сам вносит свой вклад в производство искусства.

В таких случаях обладание произведением искусства и его использование регулируется разными токенами, следовательно — разными правовыми режимами: NFT подтверждает «право собственности» на цифровой объект, и в этой части на NFT распространяется режим «иногo имущества», в то же время содержащийся в NFT утилитарный токен дает право поменять название, фон, цвет, добавить графические элементы и др. Правовой режим отношений, возникающих из утилитарного токена, зависит от правового регулирования дополнительных прав, предоставленных приобретателю NFT. В случае, когда приобретатель NFT получает право изменять цифровой объект, иными словами, принимать участие в совместном творчестве с создателем токена, отношения сторон, возникающие из утилитарного токена, представляют собой договор лицензирования с правом владельца NFT на частичную переработку произведения в заранее установленных автором пределах.

Соотношение NFT и цифровой валюты (криптовалюты)

Ранее была дана краткая характеристика криптовалюты и сделан вывод, что она является платежным токеном (*payment token*). Несмотря на то, что в настоящий момент большинству очевидно ошибочное отождествление криптовалюты и NFT³², в некоторых источниках все же

³¹ Банк России. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций*. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

³² Дифференциацию между криптовалютой и NFT проводит даже Банк России, который отмечает, что токенизированные активы, в число которых входит NFT, не предназначены для платежа и не являются криптовалютой. См.: Банк России. (2022). *Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад Банка России для общественных консультаций*. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf

встречаются неоднозначные формулировки³³, еще более запутывающие неподготовленных читателей.

NFT не является криптовалютой по следующим основаниям.

Во-первых, основная функция NFT — правоподтверждающая, а у цифровой валюты (криптовалюты) — платежная.

Во-вторых, токен NFT является индивидуально-определенным, его правовой режим близок к индивидуально-определенным вещам, в то время как токен цифровой валюты является родовым, т. е. взаимозаменяемым, и больше соответствует признакам платежного средства.

В-третьих, токены цифровой валюты не имеют уникальной ценности сами по себе. Для обладателя не имеет значения, какой именно токен цифровой валюты находится в его цифровом кошельке, важно лишь их количество. В случае с NFT характер и уникальные признаки токена имеют решающее значение.

В-четвертых, NFT никак не может использоваться в качестве средства платежа, поскольку нельзя осуществить оплату индивидуально-определенным токеном в связи с невозможностью установить усредненную цену (ценность) содержащегося в NFT объекта. Основная функция NFT — подтверждение аутентичности цифрового объекта: документа, изображения, аудио-, видео- или иного электронного файла.

Одним из основных последствий разграничения NFT и цифровой валюты является то, что NFT не требуют декларирования в налоговых органах и полностью подлежат судебной защите, в то время как судебная защита цифровой валюты возможна лишь в случае ее предварительного декларирования в налоговых органах (ч. 6 ст. 14 Закона «О ЦФА») (Yankovskiy, 2020).

Ограничения Закона «О ЦФА» на приобретение NFT за цифровую валюту

Поскольку покупка и продажа NFT происходит на блокчейне, необходимо рассмотреть способы приобретения NFT и проанализировать их на соответствие требованиям российского законодательства.

1) Приобретение NFT за цифровую валюту государства (ЦВЦБ).

Цифровая валюта государства — форма национальной валюты, которая эмитируется в цифровом виде (например, предложенный Банком России цифровой рубль³⁴).

Подобный вариант оплаты за NFT не будет противоречить требованиям российского законодательства, поскольку такая цифровая валюта выпускается самим государством. Однако в настоящий момент цифровой рубль как цифровая форма национальной валюты не введен в оборот, возможность приобретения NFT за ЦВЦБ невозможна.

2) Приобретение NFT в обмен на NFT или на иной неплатежный токен.

Подобный вариант приобретения NFT представляет собой меновую сделку. Ее целью является обмен одного неплатежного токена (NFT) на другой неплатежный токен. На меновые сделки не распространяются ограничения, содержащиеся в ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА» относительно оборота криптовалюты.

³³ См., например: Секрет фирмы. (2021, сентябрь 23). *Что такое NFT. Объясняем простыми словами*. <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-nft-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm>. В статье NFT прямо называется «цифровой монетой».

³⁴ Банк России. (2020). *Цифровой рубль. Доклад Банка России для общественных консультаций*. https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/

Также следует отметить, что поскольку NFT не являются платежным средством и их правовой режим близок к режиму индивидуально-определенных движимых вещей, то сделки, в которых в качестве встречного предоставления за товар передается NFT (например, книга в обмен на NFT), по своей юридической природе относятся к меновым сделкам, а не к сделкам купли-продажи.

3) *Приобретение NFT за негосударственную цифровую валюту (bitcoin, monero, dash и др.).*

В данном случае оплата NFT цифровой валютой является встречным предоставлением. Следовательно, приобретая NFT, его покупатель расплачивается с продавцом криптовалютой, что запрещено для российских юридических лиц и резидентов в соответствии с ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА».

Подобное правовое регулирование, ограничивающее платежи в криптовалюте за передаваемый товар либо оказываемую услугу без какой-либо дифференциации товаров или услуг, нельзя признать удачным.

Во-первых, NFT не является товаром или услугой классического рынка, на которые направлены ограничения, предусмотренные Законом «О ЦФА». NFT — это способ фиксации какого-либо объекта виртуального рынка, схожего по своим экономическим свойствам с объектами из игр. Следовательно, приобретение NFT за криптовалюту не несет риски внедрения криптовалют в экономический оборот, которые хотел снизить законодатель.

Во-вторых, ограничение на оплату криптовалютой за передаваемые товары или оказываемые услуги в соответствии с ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА» предусматривалось для целей недопущения обхода российского налогового законодательства. Если бы, к примеру, продукты в розничном магазине могли бы быть оплачены с помощью криптовалюты (например, приобретение молока за Bitcoin), действительно создавались бы обоснованные риски обхода налогового законодательства, обязывающего декларировать полученные доходы и уплачивать с них налоги.

NFT чаще всего размещаются на площадках профессиональными участниками рынка, которые посредством процедуры KYC³⁵ проверяют контрагентов по сделке, фиксируют и декларируют все полученные доходы при продаже NFT, сдают необходимые отчеты, уплачивают установленные налоги³⁶. Следовательно, при продаже NFT за криптовалюту риски обхода налогового законодательства минимальны, в связи с чем ограничение ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА» утрачивает свою актуальность для данных случаев.

Таким образом, для приобретения NFT за негосударственную цифровую валюту должно быть создано специальное правовое регулирование. Такие случаи должны быть выведены из-под общего ограничения ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА».

³⁵ От английского *know your client (customer)* — знай своего клиента. Под KYC понимается процедура идентификации контрагентов перед совершением сделок. См.: Решетникова, М. (2021, октябрь 8). *Проверка личности и оценка рисков: что такое KYC и AML*. РБК. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/615dbdfd9a7947ef7ae435f9>

³⁶ Сэлинджер, К. (2021, март 25). *Нужно ли платить налоги с NFT-сделок?* Forklog. <https://forklog.com/nuzhno-li-platit-nalogi-s-nft-sdelok-sravnivaem-kejsy-ssha-rossii-i-ukrainy/>

NFT и право интеллектуальной собственности: «право наслаждения» и иные права, содержащиеся в токене

NFT как объект интеллектуальной собственности

Ст. 128 ГК РФ разделяет такие объекты гражданских прав как имущественные права, в число которых входят цифровые права, и охраняемые результаты интеллектуальной деятельности (объекты интеллектуальной собственности).

NFT не является объектом интеллектуальной собственности³⁷. Ранее отмечалось, что NFT представляет собой лишь инструмент («криптографически-подписанный сертификат³⁸»), подтверждающий владение уникальной версией цифрового объекта, связанного с конкретным NFT с момента токенизации. Объектами интеллектуальной собственности являются как раз те токенизированные произведения (например, изображение или исполнение музыки), право на обладание уникальной версией которых и выражено в NFT.

Права на произведение, содержащиеся в NFT

Первое, на что важно обратить внимание, когда речь идет о токенизации произведений — это автономность произведения в NFT (далее объект цифрового искусства, связанный с NFT — РИД), от аналогового либо цифрового произведения искусства, которое было токенизировано в процессе создания NFT (далее — исходное произведение)³⁹. Автономность рассматривается с технического и с правового аспекта.

Техническая автономность является абсолютной: с момента токенизации исходного произведения всегда появляется новый NFT, который индивидуализирует связанный с ним РИД. С этого момента судьба исходного произведения для владельца NFT перестает быть значимой: исходное произведение может быть сожжено (по примеру Бэнкси)⁴⁰, продано, передано кому-либо в использование и т. д. Это никак не влияет на существование NFT и на те права (при их наличии), которыми обладает владелец токена в отношении связанного с токеном РИД.

Правовая автономность абсолютной не является: новый NFT не всегда порождает у его обладателя право на связанный с токеном РИД. Для того, чтобы такое право появилось, у создателя NFT должно быть надлежащее правовое основание для токенизации исходного произведения⁴¹. Например, любой желающий может сфотографировать хранящуюся в Лувре картину Леонардо

³⁷ Bodó, B., Giannopoulou, A., Quintais, J., & Mezei, P. (2022). *The Rise of NFTs: These Aren't the Droids You're Looking For*. European Intellectual Property Review. <https://ssrn.com/abstract=4000423>

³⁸ Guadamuz, A. (2021, March 7). *Can copyright teach us anything about NFTs?* TechnoLlama. <https://www.technollama.co.uk/can-copyright-teach-us-anything-about-nfts>

³⁹ А.А. Долганин справедливо отмечает, что с созданием NFT в торговом обороте происходит «появление нового объекта, производного по отношению к базисному активу» и «появление нового оборотоспособного товара». См.: Долганин, А.А. (2021). Соотношение невзаимозаменяемых токенов (NFT) и интеллектуальной собственности: триумф проприетарного подхода? *Цифровое право*, 2(3), 46–54. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-46-54>. Полагаем, что аналогичные последствия появления NFT создает и в области права интеллектуальной собственности — появляется новый объект интеллектуальной собственности, становящийся при определенных условиях автономным от произведения, лежащего в основе токенизации.

⁴⁰ Корнеев, А. (2021, март 4). *Работу художника Бэнкси сожгли и превратили в NFT-токен*. РБК. <https://www.rbc.ru/crypto/news/6040a6819a794715076a7f84>

⁴¹ Peltz, M. (2021, October 26). *IP and Non-Fungibility: The Intersection of Intellectual Property and NFTs*. Falcon Rappaport & Berkman PLLC. <https://frblaw.com/2021/03/15/intellectual-property-and-nfts/>

да Винчи «Мона Лиза», а затем токенизировать сделанный снимок. С технической точки зрения появится новый NFT, однако а) создатель токена нарушит интеллектуальные права владельца исходной картины, поскольку сама токенизация является одним из способов использования произведения⁴²; б) создатель NFT не получит никаких прав на использование РИД, находящегося в токене.

Таким образом, NFT является технически неоспоримым способом индивидуализации цифровых произведений, который при наличии надлежащего правового основания позволяет фиксировать права на РИД в блокчейне.

Следующий важный аспект — рассмотрение вопроса о том, какие права получает последующий приобретатель NFT на РИД, связанный с токеном.

Ранее мы пришли к выводу, что с момента токенизации появляется самостоятельный РИД, и при надлежащем правовом основании создатель NFT становится обладателем прав на РИД: исключительного права (ст. 1229 ГК РФ) и личных неимущественных прав.

Личные неимущественные права неотчуждаемы и непередаваемы ни при каких обстоятельствах и всегда принадлежат первоначальному создателю. Следовательно, приобретатель NFT никогда не сможет стать обладателем личных неимущественных прав на РИД.

С исключительным правом все не так однозначно. Использование произведения без согласия правообладателя не допускается в соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ. Следовательно, продажа NFT по умолчанию не означает предоставление исключительного права на использование РИД, поскольку на это должно быть прямое согласие правообладателя (абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ).

Таким образом, если покупатель NFT желает использовать РИД в коммерческой деятельности и получать от такого использования доходы, параллельно с приобретением NFT, требуется заключить договор об отчуждении исключительного права либо лицензионный договор. Более подробно способы распоряжения исключительным правом будут рассмотрены далее.

Выходит, что приобретатель NFT не получает личных неимущественных прав и по умолчанию не становится обладателем исключительного права на РИД⁴³. Это означает, что в NFT содержится «право наслаждения», т. е. право, подтверждающее владение оригинальной версией объекта цифрового искусства (а не копией) только для личных целей, а также право на перепродажу NFT. Переход к приобретателю NFT исключительных прав на использование РИД должен всегда оговариваться дополнительно.

Наконец, особую значимость приобретает вопрос повторной токенизации исходных произведений (цифровых либо аналоговых). Если приобретатель NFT захочет предотвратить создание других NFT, связанных с исходным произведением, стороны должны предусмотреть соответствующий запрет при приобретении NFT. Несмотря на то, что пресечь создание других токенов договорный запрет не сможет, это даст правовые основания для предъявления соответствующих требований к создателям «нелегальных» токенов.

Чтобы снизить вероятность создания других NFT, а также повысить ценность первого созданного токена, субъекты сделок с NFT на практике прибегают к уничтожению исходного аналогового произведения. Вместе с тем полностью исключить создание последующих токенов

⁴² Существует и иной подход. Подробнее о том, охватывается ли токенизация исключительным правом владельца исходного произведения см.: Guadamuz, A., 2021.

⁴³ Chintalapoodi, P. (2021, April 5). *Legal Implications of Non-Fungible Tokens (NFT)*. Chip Law Group. <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=176215ed-1924-4e47-8443-fd1023dfd5dc>

даже такой шаг не сможет — данные, необходимые для создания последующих NFT, можно взять из первого NFT и выпустить еще один NFT на той же или на другой платформе. В то же время последующее уничтожение исходного оригинала закрепляет за первоначально созданным NFT статус «созданного на основе оригинала», что в глазах ценителей наделяет его дополнительной субъективной ценностью. Последующие NFT в этом случае будут являться «копиями копии», что снижает их субъективную ценность.

Способы передачи исключительных прав на произведение при продаже NFT

Распорядиться исключительным правом на РИД при продаже NFT возможно двумя основными способами: посредством договора об отчуждении исключительного права либо посредством лицензионного договора⁴⁴.

Договор об отчуждении исключительного права

В соответствии с п. 1 ст. 1234 ГК РФ по договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на РИД в полном объеме другой стороне (приобретателю).

Распоряжение исключительным правом на РИД в форме NFT по договору об отчуждении исключительного права является наиболее удачным способом. Это связано с тем, что при отчуждении исключительного права приобретатель NFT получает все права на использование РИД в полном объеме.

Также приобретатель NFT самостоятельно защищает свое исключительное право и полностью независим от правообладателя, что особенно важно, когда NFT перепродается несколько раз: связанность права на использование РИД в форме NFT лицензионным договором с правообладателем в таком случае значительно снижает ценность NFT.

Лицензионный договор

В соответствии с п. 1 ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору обладатель исключительного права на РИД (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах.

Следовательно, если необходимо распорядиться исключительным правом на РИД в форме NFT лишь в отношении отдельных способов использования РИД, например, предоставить контрагенту только одну составляющую исключительного права — право демонстрации, то такое распоряжение возможно только по модели лицензионного договора.

При этом единственная модель лицензионного договора, которая отвечает потребностям сторон при предоставлении права на использование NFT-произведений — исключительная лицензия (предоставление лицензиату права использования РИД без сохранения за лицензиаром права выдачи лицензий другим лицам).

Это связано, во-первых, с тем, что продажа РИД в форме NFT исключает одновременное использование этого же РИД другими лицами в силу индивидуально-определенного характера токена.

Во-вторых, использование исключительных прав на РИД на основании исключительной лицензии дает лицензиату (покупателю NFT) дополнительные гарантии, в частности, при нарушении третьими лицами исключительного права на РИД лицензиат может наряду с другими

⁴⁴ Новоселова, Л.А. (ред.) (2017). *Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник*. Статут.

способами защиты самостоятельно защищать свои права способами, предусмотренными ст. ст. 1250, 1252 ГК РФ. Такая возможность недоступна лицензиату по простой (неисключительной) лицензии.

Существенным недостатком исключительной лицензии является обязательная письменная форма договора под страхом недействительности (п. 2 ст. 1235 ГК РФ), а следовательно — невозможность заключения лицензионного договора в упрощенной форме по модели открытой лицензии (ст. 1286 ГК РФ), когда лицензионный договор считается заключенным путем акцепта публичной оферты на условиях, указанных в публичной оферте. Модель открытой лицензии очень привлекательна, поскольку продажа NFT происходит в блокчейне и соблюсти письменную форму лицензионного договора весьма затруднительно, а размещение условий об исключительных правах в публичной оферте и их акцепт посредством приобретения NFT кажется идеальным вариантом. Однако по модели открытой лицензии может быть заключен только лицензионный договор с простой (неисключительной) лицензией на использование РИД. В случае с NFT, как было сказано ранее, лицензиату должна предоставляться исключительная лицензия, которая несовместима с упрощенным порядком заключения договора открытой лицензии посредством акцепта размещенной лицензиаром публичной оферты.

Поскольку отчуждение NFT происходит в децентрализованной системе блокчейн без физического присутствия отчуждателя и приобретателя, это существенно затрудняет соблюдение традиционной письменной формы (абз. 1 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Более того, зачастую приобретателей NFT проблематично идентифицировать по причине широкого использования ими никнеймов при совершении сделки.

В то же время письменную форму лицензионного договора можно соблюсти в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ посредством размещения условий использования произведения в описании к NFT⁴⁵, с которым каждый потенциальный приобретатель NFT может заранее ознакомиться. Лицензионный договор в таком случае считается заключенным в момент приобретения NFT. При этом письменная форма считается соблюденной по следующим соображениям.

Во-первых, сделка по приобретению NFT совершается на блокчейн с помощью электронных либо иных технических средств, что полностью соответствует правилам абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Во-вторых, требование о наличии подписи будет считаться выполненным с момента перечисления приобретателем NFT оплаты в цифровой валюте на электронный кошелек отчуждателя. Осуществление данного перевода позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю на приобретение NFT и на заключение лицензионного договора.

Таким образом, требование к письменной форме лицензионного договора при отчуждении NFT считается соблюденным при совершении сделки в системе блокчейн с момента достоверного определения лица, выразившее волю на совершение сделки. Этот момент является моментом перевода приобретателем NFT оплаты в цифровой валюте на электронный кошелек отчуждателя NFT.

Переход или предоставление исключительного права также можно предусмотреть в смарт-контракте, посредством которого происходит отчуждение NFT или прописать способы

⁴⁵ Давыдов-Громадин, Д. (2021, июль 5). Как правильно использовать NFT в России и не нарушить закон. РБК. <https://www.rbc.ru/crypto/news/60e2f4609a794732c30fc130>

использования РИД в метаданных конкретного токена⁴⁶, однако это более сложный технический вопрос, который требует отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной работы.

Case study: правовые проблемы токенизации произведений Эрмитажа и их решение

В Государственном Эрмитаже в 2021 г. была подготовлена и продана на аукционе первая в мире лимитированная серия NFT-изображений, удостоверенных подписью директора музея⁴⁷. Данный проект произвел фурор на рынке цифрового искусства. В связи с этим рассмотрим основные проблемы, которые возникли в ходе реализации проекта, а также расскажем о том, как юристам, сопровождавшим сделку⁴⁸, удалось их разрешить и довести проект до успешного завершения.

Требования музейного законодательства

Первая проблема токенизации произведений Эрмитажа была связана с требованиями музейного законодательства, устанавливающего строгие рамки использования работ из коллекций музея.

Так, в соответствии со ст. 36 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»⁴⁹ использование музейных работ в коммерческих целях осуществляется в порядке, установленном собственником, т. е. государством.

В связи с этим токенизация произведений Эрмитажа и последующее отчуждение NFT некоторыми ошибочно оценивалась как «распродажа произведений искусства»⁵⁰.

Требования музейного законодательства были соблюдены следующим образом.

В законе речь идет именно об оригиналах работ, многие из которых действительно являются общественным достоянием и принадлежат государству. Однако создание токена, как мы утверждали ранее, представляет собой создание самостоятельного объекта интеллектуальной собственности. В связи с этим в некоторых источниках справедливо отмечено, что NFT-токены Эрмитажа являются самостоятельными арт-объектами, включающими три файла:

- репродукция (распечатка сделанной фотографии произведений) картины с подписью директора Эрмитажа М.Б. Пиотровского,
- видео, на котором М.Б. Пиотровский подписывает работу и рассказывает о ней, и
- удостоверяющая криптографическая подпись⁵¹.

Таким образом, NFT были созданы на основе оригиналов произведений из коллекции музея, права на которые при этом никак не затрагивались: оригиналы работ по-прежнему доступны в Эрмитаже, их коммерческое использование никем не осуществлялось.

⁴⁶ Vc.ru (2018, ноябрь 7). *Правовые аспекты NFT*. <https://vc.ru/legal/220843-pravovye-aspekty-nft-pochemu-vypiska-iz-egryul-eto-schitay-cto-nft-no-ne-sovsem>

⁴⁷ Partz, H. (2021, September 7). *Russian State Hermitage raises \$440K via Binance NFT auction*. Cointelegraph. <https://cointelegraph.com/news/russian-state-hermitage-raises-440k-via-binance-nft-auction>

⁴⁸ Сделку сопровождала юридическая фирма LFCS Legal Support (<https://legalsupport.ru>).

⁴⁹ Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 22, Статья 2591.

⁵⁰ Иванов, А.А. *Остановите «Эрмитаж»!* Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2021/09/09/ostanovite_ermitazh

⁵¹ Vc.ru (2021, август 20). *Эрмитаж продает свою коллекцию в NFT*. <https://vc.ru/ipqorum/284386-ermitazh-prodaet-svoju-kollekciyu-v-nft>

Именно принцип автономности объекта интеллектуальной собственности в NFT как самостоятельного произведения искусства позволил решить проблему, связанную с соблюдением требований музейного законодательства.

Требования Закона «О ЦФА»

Второй, не менее важной проблемой стало соблюдение требований ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА», связанных с запретом российским юридическим лицам и резидентам принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления. На сайте русской службы BBC вышел сюжет с громким названием: «Как Эрмитаж продает NFT-картины, если сделки с криптовалютой запрещены?»⁵². В данной статье достаточно подробно рассматриваются многие аспекты данной проблемы, выделим самое главное.

Во-первых, сделка по приобретению NFT была совершена за пределами Российской Федерации в государстве, полностью санкционирующем платежи в цифровой валюте.

Во-вторых, встречным предоставлением за NFT являлись стейблкоины BUSD⁵³, которые привязаны к национальной валюте и этим существенно отличаются от традиционных криптовалют.

Таким образом, реализовав NFT в иной юрисдикции в обмен на стейблкоины, удалось соблюсти требования Закона «О ЦФА». В свою очередь, Эрмитаж получил оплату исключительно в российских рублях. Для осуществления всех финансовых операций с криптовалютой был привлечен специальный посредник — агент.

Исключительные права

Особая сложность возникла при распределении среди участников договорных отношений исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в процессе токенизации произведений Эрмитажа. Было важно, чтобы на протяжении всей длительной процедуры создания NFT никто из участников цепочки (посредники, фотографы) не получил «лишних» исключительных прав на промежуточные материалы, способных помешать дальнейшему структурированию сделки и передаче всех прав Эрмитажу.

Данная проблема решалась на двух этапах.

На первом этапе происходила оцифровка аналоговых картин и нанесение подписи директором Эрмитажа М.Б. Пиотровским. Здесь возникло два результата интеллектуальной деятельности.

Во-первых, объектом авторских прав являлась фотография аналогового произведения. Исключительные права фотографа, сделавшего снимок, были переданы Эрмитажу по договору об отчуждении исключительных прав.

Во-вторых, отдельным объектом авторских прав стала подписанная М.Б. Пиотровским репродукция⁵⁴, которая являлась служебным произведением, поскольку была создана директором Эрмитажа в рамках выполнения трудовой функции. Права на нее также принадлежали Эрмитажу.

⁵² Захаров, А., & Пушкарская, А. (2021, ноябрь 19). *Ван Гог и «Криптопанки»: как Эрмитаж продает NFT-картины, если сделки с криптовалютой запрещены?* <https://www.bbc.com/russian/features-59322601>

⁵³ От англ. *stable coin* — «стабильная монета». Вид цифровой валюты, курс которой жестко привязан к курсу фиатной валюты. Например, один *Tether* всегда равен одному доллару США.

⁵⁴ Интересно отметить, что уже в Средневековье суды разделяли правовой режим произведения без подписи и с подписью (сигнатурой), считая последнее самостоятельным произведением искусства. О разделении юридической судьбы основного произведения и его «символа подлинности» см.: Dolganin, 2021.

Таким способом удалось «перевести» на Эрмитаж все исключительные права на промежуточные произведения. Итоговым результатом интеллектуальной деятельности стала цифровая картина с подписью М.Б. Пиотровского.

На втором этапе данная цифровая картина была токенизирована, и NFT закрепил в себе все исключительные права на произведение. Промежуточные материалы (фотографии, репродукции) впоследствии были уничтожены с целью недопущения их повторной токенизации.

Приобретатели NFT Эрмитажа на основании лицензии на покупку NFT («NFT Purchase License»), находящейся в тексте стандартных условий Binance NFT⁵⁵, получили право «наслаждения», право демонстрации и наиболее ценное в коммерческом отношении право на перепродажу NFT.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что в настоящий момент структурировать сделки с NFT в России возможно, несмотря на отсутствие в российском законодательстве специальных норм, посвященных регулированию NFT. Это подтверждает приведенный в качестве примера проект токенизации NFT-коллекции Государственного Эрмитажа.

В то же время при совершении сделок с NFT важно помнить следующее.

1. NFT не являются ни цифровыми финансовыми активами, ни утилитарными цифровыми правами, ни цифровой валютой. Очевидно, что NFT это цифровой актив *sue generis*, для которого в дальнейшем возможно потребуются специальное правовое регулирование, поскольку ни одна из имеющихся в законодательстве правовых конструкций цифровых прав не применима в силу особенностей NFT как индивидуально-определенного токена.

2. NFT представляет собой многофункциональный инструмент:

- NFT рассматривается как техническое средство, позволяющее облечь объект интеллектуальной собственности в форму токена;
- NFT как способ фиксации (сертификат подлинности) подтверждает владение уникальным цифровым объектом, закрепляет право владельца NFT на этот объект интеллектуальной собственности и в определенных случаях — право на получение связанных с объектом дополнительных возможностей;
- при отчуждении NFT становится самостоятельным объектом сделки. Связанные с NFT произведения искусства лишь следуют за токеном, но сами объектами сделок не являются.

3. С точки зрения права, NFT может использоваться в гражданском обороте в двух аспектах:

- Если NFT не наделяют своего обладателя дополнительными правами, кроме обычных прав владения, пользования и распоряжения самим токеном, то к таким NFT мы считаем возможным применение режима «иного имущества» (ст. 128 ГК РФ). Также возможно частичное применение правил о движимых индивидуально-определенных вещах по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ).
- Если NFT совмещают свойства, присущие утилитарным токенам, т. е. наделяют своих обладателей дополнительными правами, то к таким NFT мы считаем возможным применить правила о цифровых правах (ст. 141.1 ГК РФ) и об утилитарных цифровых правах (ст. 8 ФЗ № 259-ФЗ) по аналогии закона в том объеме, в котором это возможно в контексте индивидуальной определенности цифровых прав, выраженных такими NFT.

⁵⁵ Binance. (2021). NFT Marketplace Terms and Conditions. https://public.nftstatic.com/static/nft/res/adaded11f38a4042fc97d8607d204e17aa.pdf?fbclid=IwAR2CvcXfkru9kKpx7Vq_FjyXp1VLzslEuv5BeXVqVt2Ws7FrO4ZVeu365oY

4. Оборот NFT возможен только в той мере, в которой это допускается принципом свободы договора.

5. Поскольку NFT не являются разновидностью цифровой валюты (криптовалюты), они не требуют декларирования в налоговых органах по аналогии с цифровой валютой и полностью подлежат правовой защите.

6. Ограничения, имеющиеся в Законе «О ЦФА» в отношении оборота цифровой валюты, распространяются на приобретение NFT только в случае, если NFT приобретается за негосударственную цифровую валюту (криптовалюту).

Логичным видится расширение свободы оборота NFT и на сделки с криптовалютой, так как NFT не является товаром или услугой классического рынка, на которые направлены ограничения, предусмотренные Законом «О ЦФА». NFT — это способ фиксации объектов виртуального рынка, схожих по своим экономическим свойствам с объектами из игр.

Следовательно, для данных ситуаций должно быть создано специальное правовое регулирование, легализующее возможность приобретения NFT: такие случаи должны быть выведены из-под ограничения ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА», поскольку приобретение NFT за криптовалюту не несет риски внедрения криптовалют в реальный экономический оборот, которые хотел снизить законодатель.

Сделки по обмену NFT на другой NFT или на иной неплатежный токен (например, *utility*) являются меновыми сделками (ст. 567 ГК РФ), на которые не распространяются ограничения, содержащиеся в ч. 5 ст. 14 Закона «О ЦФА».

Поскольку NFT не являются платежным средством и их правовой режим близок к режиму индивидуально-определенных движимых вещей, то сделки, в которых в качестве встречного предоставления за товар передается NFT, по своей юридической природе относятся к меновым сделкам, а не к сделкам купли-продажи.

7. NFT не является объектом интеллектуальной собственности. Объектами интеллектуальной собственности являются цифровые произведения, право на обладание уникальной версией которых выражено в NFT.

8. Отчуждение NFT само по себе не влечет переход исключительных прав на РИД, содержащийся в токене. Для перехода исключительных прав требуется заключение соответствующего договора — договора об отчуждении исключительных прав либо лицензионного договора.

Договор об отчуждении является наиболее распространенным и наиболее удобным способом, поскольку приобретатель NFT получает все исключительные права на использование РИД в полном объеме, самостоятельно защищает их и полностью независим от правообладателя. Это особенно важно, когда NFT перепродается несколько раз и связанность права на использование РИД в форме NFT лицензионным договором с правообладателем значительно снижает ценность такого NFT.

Лицензионный договор используется, когда необходимо распорядиться исключительным правом на РИД в форме NFT лишь в отношении отдельных способов использования. Наиболее подходящим вариантом является исключительная лицензия, поскольку по ней лицензиат может самостоятельно защищать свои права способами, предусмотренными ст. ст. 1250, 1252 ГК РФ. Такая возможность недоступна лицензиату по простой (неисключительной) лицензии.

Переход или предоставление исключительного права также можно предусмотреть в смарт-контракте, посредством которого происходит отчуждение NFT на блокчейне или прописать способы использования в метаданных конкретного токена.

Список литературы / References

1. Dolganin, A. A. (2021). Sootnosheniye nevzaimozamenyaemykh tokenov (NFT) I intellektual'noy sobstvennosti: Triumf proprietarnogo podhoda? [Non-fungible tokens (NFT) and intellectual property: The triumph of the proprietary approach?]. *Digital Law Journal*, 2(3), 46–54. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-46-54>
2. Guadamuz, A. (2021). The treachery of images: Non-Fungible tokens and copyright. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 16(12), 1367–1385. <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpab152>
3. Sukhanov, E. A. (2016). *Veschnoye pravo. Naychno-poznovatel'nyy ocherk* [Property law. Scientific and educational essay]. Statute.
4. Yankovskiy, R. M. (2020). Kriptovalyuty v rossiyskom prave: Surrogaty, “inoye imushchestvo” I tsifrovyye den'gi [Cryptovalues in the Russian Law: Surrogates, «Other Property» and Digital Money]. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, (4), 43–77 <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.4.43.77>

Сведения об авторах:

Брисов Ю.В. — магистр гражданского права, LL.M. (США), основатель компании «Юридические и финансовые креативные решения (LFCS Legal Support)» и NFTMASTERS, Москва, Россия.

ceo@lfcs.pro

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7132-2643>

Победкин А.А.* — бакалавр гражданского права, магистрант частного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, юрист компании «Юридические и финансовые креативные решения (LFCS Legal Support)», Москва, Россия.

a.a.pobedkin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0103-8938>

Information about the authors:

Yuriy V. Brisov — LL.M. (Russia), LL.M. (USA), founder of LFCS Legal Support and NFTMASTERS, Moscow, Russia.

ceo@lfcs.pro

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7132-2643>

Aleksey A. Pobedkin* — LL.B., Master student, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, lawyer at LFCS Legal Support, Moscow, Russia.

a.a.pobedkin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0103-8938>

BOOK REVIEW

INNOVATIONS UNDER A MAGNIFYING GLASS OF AN ECONOMIST: WHAT'S NEW?

Shahin Huseynov

Nobel International Academy
5 Aegeristrasse, Zug, Switzerland, 6300

Review of a book

Breznitz, D. (2021). *Innovation in real places: Strategies for prosperity in an unforgiving world*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197508114.001.0001>

Keywords

innovations, innovation studies, technological innovation, long-term economic growth, social welfare, prosperity

For citation

Huseynov, S. (2022). Innovations under a magnifying glass of an economist: What's new? *Digital Law Journal*, 3(1), 67–68. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-67-68>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

ИННОВАЦИЯ В ФОКУСЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Ш. Гусейнов

Нобелевская международная академия
6300, Швейцария, Цуг, Эгеристрассе, 5

Рецензия на книгу

Breznitz, D. (2021). *Innovation in real places: Strategies for prosperity in an unforgiving world*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197508114.001.0001>

Ключевые слова

инновации, инновационные исследования, технологическая инновация, долгосрочный экономический рост, социальное обеспечение, процветание

Для цитирования

Гусейнов, Ш. (2022). Инновация в фокусе экономического исследования: новый взгляд. *Цифровое право*, 3(1), 67–68. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2022-3-1-67-68>

This essay reviews a book *Innovation in Real Places: Strategies for Prosperity in an Unforgiving World* (2021) written by Dan Breznitz, a Professor and Munk Chair of Innovation Studies in the Munk School of Global Affairs and Public Policy with a cross-appointment in the Department of Political Science of the University of Toronto, where he is also the Co-Director of the Innovation Policy Lab.

For the last few decades, technological innovation has been the basis of the economy growth. Yet, while a small number of countries have benefited, many other regions have wasted trillions of dollars trying to copy the Silicon Valley.

Discussing and developing solution for the future, the author states that regions and cities do not need to copy the Silicon Valley growth model. Instead they should create specialized innovation that generates benefits for all.

The book explains what innovation means: it is not just the invention of new things, but it is the only way to ensure sustained long-term economic growth and social welfare. It explains that the greatest opportunities for communities to grow is to recognize their own advantages and rely on those advantages. It includes supporting small and medium-size enterprises, figuring out specific sets of activities within the global production chains that dominate our world, and attracting start-ups that are outside of information technologies and biotech, in fields as diverse as agro-tech and textiles.

The author proposes that communities should focus on where they fit within the four stages in the global production process. Success lies in understanding their own advantages, which in turn allows to create specialized innovation. All localities have certain advantages relative to at least one stage of the global production process, and the key is in recognizing it.

At the same time, the author claims that the development of public institutions must be encouraged. They provide crucial support, including contributing to the creation of sources of so-called “patient” capital, a set of “common” assets that provide unique competitive advantages, and shared public spaces where isolated businesses and individuals find ways to become part of cohesive ecosystems. Following this approach, some areas of the globe have become production centers.

The key to understanding innovation-driven growth is understanding that innovation is the whole process of adopting new ideas and developing new or improved products and services. This happens at all stages of the production of goods and services, starting with the first vision, design, development, production, sale and use and ending with after-sales service.

Once we realize this, we realize the large number of options available to achieve prosperity by focusing on the development of their own model of innovative growth.

Information about the author:

Shahin Huseinov — Dr. Sci. in Economics, CEO, Nobel International Academy, Zug, Switzerland.
guseinov@iphras.ru

Сведения об авторе:

Шахин Гусейнов — доктор экономических наук, исполнительный директор Нобелевской международной академии, Цуг, Швейцария.
guseinov@iphras.ru

